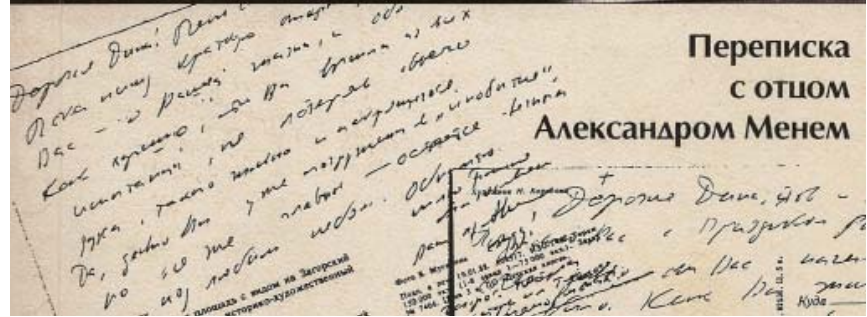

ДИАНА
ВИНЬКОВЕЦКАЯ

Ваш
о. Александр

Переписка
с отцом
Александром Менем

ДИАНА
ВИНЬКОВЕЦКАЯ

Ваш о. Александр

переписка с о. Александром Менем

Москва
2003

Главное остаётся вечным под любым небом

“Главное остаётся вечным под любым небом”, - написал за девять дней до смерти своей корреспондентке в Америку отец Александр Мень. Что же это ”главное”? Об этом - вся книга, которая лежит перед вами. Об этом - тот нескончаемый диалог, который ведёт отец Александр со всеми нами по сей день, и само название книги напоминает нам об этом.

Переиздание этой книги можно только приветствовать, чтобы как можно больше людей познакомилось с ней и, чтобы читатели вместе с авторами этих писем поразмышляли “о главном”. Особенно сейчас, в труднейший переходный период нашей истории, который Константин Азадовский сравнил с эмиграцией: “Мы сейчас – как эмигранты в собственной стране, и эта книга – о пограничной ситуации, о том, как человек переживает переход из одной социальной системы в другую.”

Мысли отца Меня вселенские, обращённые в вечность, в то же время глубоко личные, написанные персонально каждому, и помогут открыть внутренний смысл любому, кто прочтёт их и оценит: “Нужно почувствовать, что наша внутренняя жизнь - главное, что она есть, что это целый мир и богатство, которое мы еще не раскрыли...”, “Путь к вере - это путь к себе самой”, “Одно из главных правил жизни: не смотреть в микроскоп. В микроскопе можно увидеть самых страшных бактерий, которые живут рядом с нами и до поры до времени - мирно. Жить крупно - единственное, что достойно человека”, “Мало быть гением - нужно трудолюбие, мало любить близкого человека - нужно учиться общению с ним”.

Мысли отца Меня - эти письма - как ствол, вокруг которого вырастают письма Дианы. Диалог, который вёлся через океан, обогащал обоих. Мысль, как известно, рождает мысль. И книга эта - не просто собрание писем, где каждый пишет о разном, а обмен мыслями, как если бы корреспонденты были объединены единой продуманной композицией. Мы видим, как взрослеет автор, как преодолевает трудности и сомнения, как постепенно подчиняет обстоятельства. “Что же мы приобрели? - размышляет Диана, - свободу и себя. А потеряли? Потеряли родину, язык, друзей, родных, Вас. Иногда подступает вина за оставленных, сбежала “под чужие небеса”...

“...Как-то все города, достопримечательности стали мне безразличны, как и я им. Меня притягивают только люди и те места, где они есть. Вот уехала, думала “мир поглядеть”, и оказалось... ничего не нужно, кроме общения. И никакая

Гонолула меня не манит теперь... Ведь в сущности, весь мир-провинция... А не провинциальна Библия и Ваши книги”.

Поражает степень откровенности Дианы, в частности, в её отношении к наивысшему, никакого вызова, никакой рисовки: "А у меня ведь веры ещё мало, совсем маленькая капелька. Ничего меня не осеняет, ничего не просветляется..." "Я ведь только недавно открыла, что есть другие люди - через любовь". "Всё внешне прекрасно... А я в жутком состоянии перед лицом смысла жизни... Свобода-то, оказывается, не всем под силу. И вот стою голой перед её лицом... Я долго думала, что религия - это моральное ученье (я дескать и так хорошая, а вот другие пусть верят, чтобы достигнуть моего совершенства)..."

Мне кажется, что бесстрашие и откровенность в поисках Дианы и было интересно отцу Александру. "Вы говорите о своём маловерии, но на самом деле неверующих нет. Все люди шестым чувством знают, что бытие наше имеет смысл, что оно больше, чем поверхность вещей".

Через время и пространство выстраивается диалог... "Каждый духовно мыслящий и чувствующий из нас – есть посланник, свидетель, так сказать, десантник Добра, самого редкого товара, самой далёкой инстанции, самого насущного. А наши скитальцы поняли по-своему. Клянут и гордятся. Выкаблучиваются". А в ответном Дианином письме: "... умные тут умнеют, а дураки глупеют. Всё усиливается". Как "усилилась" и сама Диана Виньковецкая. С благословения отца Александра (Вы просто писатель! Мало от кого я и такие письма получал) - она стала писательницей и опубликовала четыре книги: "Илюшины разговоры", "Америка, Россия и я",

“По ту сторону воспитания”, “Горб Аполлона”, два эссе: “Об одной беспредметной выставке”, “Визит в Поднебесную” и теперь эту книгу - “Переписку...”.

На первую книгу Дианы “Илюшины разговоры” отозвался Иосиф Бродский: “Такая, как ты, Дина, на свете одна-едина”, Сергей Довлатов написал к ней предисловие “...яркая и трогательная книга” и сделал о ней передачу на радиостанции “Свобода” под названием “Устами Младенца”. Вторая книга “Америка, Россия и я” - впечатления об американской жизни человека, приехавшего из другой социальной системы. На книгу было много отзывов, рецензий в американской и русской прессе. Ефим Эткинд написал: “...прекрасная книга во всех отношениях... Это редчайший случай... Она и построена хорошо и необыкновенно поучительна”.

Книга “Ваш отец Александр” построена (если можно так сказать о хронологически-упорядоченной переписке) на диалоге противоположных стилей: автора и отца Меня. Его письма - короткие, афористичны. Чёткая, филигранная мысль; никогда не назидание, но приглашение к размышлению. И письма Дианы, стилистически близкие в современной русской прозе Сергею Довлатову, по лёгкости и юмору, даже там, где автор касается самых серьёзных вопросов. Всё обыкновенное, пошное - в словах ли, в оборотах мысли - ей чуждо. Говоря о стиле, ещё хотелось бы отметить сочетание крайних противоположностей в одной фразе: “гениальных поросят”, “чудовищная красота”, “Нью-Йорк... как деревенское одеяло”, “...не статуя ли Свободы вышла прогуляться?”, “я всё-таки человек, если можно так про себя подумать”,

“хвостик штата Вирджиния”, “ты свободен, и друг твой только собака”, “объяснил мне правила поведения – не бояться уборщиц”, “свои понятия, свои утюги на голове”, “мэр – не Василий Иванович из горсовета”, “я сжалась... как наш чемоданчик с нью-йоркской помойки”, “нашла куда деньги потратить - на уменьшение зла” и другие интересные словосочетания вы найдёте в этой книге.

Получается, что веришь автору, - эта, с виду, лёгкость сочетания противоположностей воспринимается так, как будто она всегда принадлежала тебе, или как говоря словами Ахматовой: “...точность, и ещё важнее, чтобы каждое слово в строке стояло на своём месте, как будто оно там уже тысячу лет стоит, но читатель слышит его вообще первый раз в жизни. Это очень трудный путь, но когда это удаётся – люди говорят: Это про меня, это как будто мною написано. Сама я тоже (очень редко) это испытываю при чтении чужих стихов. Это что-то вроде зависти, но поблагодарнее”. От своих знакомых я тоже слышала о книгах Виньковецкой: “Это прямо мои мысли, именно так я чувствовала... так хотела сама написать”. И я к ним присоединяюсь.

Со страниц “переписки” встаёт мудрый человек, великий проповедник и духовный лидер России - отец Александр Мень, и вместе с тем – живой, весёлый, обаятельный, не догматически - сухой священник. И автор - Диана Виньковецкая - человек тонкой души, искрометного юмора, меткого, наблюдательного слова. Они удивительно созвучны, эти два человека, так счастливо соединённые судьбой. Увлечённая богатством впечатлений, я перечитала книгу заново, и вместе с Дианой побывала в Америке,

Париже, Израиле, на конференции в Вашингтоне. И вместе с Дианой я восхищалась глубиной мысли отца Александра. “Время – поток, уносящий нас. Как водопад. Но если взять другое направление, то жизнь станет путешествием вверх, восхождением, а не спуском”.

Книга Дианы Виньковецкой “Ваш отец Александр”, переписка с отцом Александром Менем – безусловно, восхождение. Именно поэтому она и была удостоена престижной петербургской литературной премии 2000 года “Петрополь”.

Тамара Скобликова

Я познакомилась с отцом Александром Менем в осенние дни 1974, когда мы приехали в Москву прощаться с московскими друзьями. Мы уезжали в Америку. Мой муж Яков Виньковецкий был учёным, философом, художником и был знаком с отцом Александром задолго до этого времени.

Отец Александр Мень вошёл в комнату, где мы его ожидали, величественный, весёлый, красивый, и так просто, с улыбкой, сказал, что ходил окроплять поросёнка в соседнюю деревню. Народному суеверию отец Александр сообщил такое заманчивое и неземное выражение, что и я тогда рассказала про бабушкиного поросёнка Борьку, окропленного поросячьего гения, знающего своё имя и ходившего за бабушкой доить корову, щипать траву, молотить лён. Борьку, как других, не окропленных, не съели, а

оставили для разведения гениальных русских поросят. Отец Александр посмеялся над моим рассказом, и мы подружились на "пороссячьей" теме народного суеверия.

После службы в его небольшой церкви я сказала отцу Александру, что во мне что-то шевельнулось сверхличное, хотя я слишком в стороне, живу вне религии, и мне всё думается, что служба в церкви - это театральная игра для взрослых. "И вы думаете, что я артист?" - весело спросил отец Александр. "Нет, я как раз почувствовала силу вашего духовного взора на себе, - сказала я, - многие из моих знакомых просто воображают, завываются над другими своей религиозностью, и часто я встречаюсь с духовным высокомерием, а не с верою". Я могла позволить себе говорить такие слова в присутствии отца Александра, чувствуя, что он не догматически-сухой педантичный священник, а живой человек, полный весёлости и доброжелательности.

Он отнёсся ко мне так ласково и нежно, будто давно знал и любил меня. Такую открытость, такую живую любознательность к другому человеку у верующих и неверующих я почти никогда не встречала, а уж у знаменитых и подавно. Отец

Александр подарил мне любовь и доброту высокого полёта, и я ощутила себя свободней, лучше, умнее.

Я увезла эту любовь в Америку.

Через два года после нашей "поросячьей" встречи, живя в Америке в маленьком университетском городке Блэксбурге, я почувствовала необходимость написать письмо отцу Александру. Отец Александр, несмотря на всю занятость, ответил. Так началась наша переписка.

Первые несколько писем и открыток отца Александра адресованы моему мужу Якову, а последующие - мне. Переписка продолжалась до 1982 года, потом прервалась, наши письма и книги, посланные в Россию, стали возвращаться, пропадать, и нам сообщили, что у отца Александра неприятности с властями. После смерти Якова (1984) я переехала в Бостон, и два последних письма от отца Александра получила незадолго до его смерти. Он написал и передал через моего сына Илюшу, посетившего отца Александра, что собирается писать книгу по истории религий, и попросил меня найти материалы о мормонах. Я собрала их, но они остались неотправленными... Пришло известие из Москвы, что отца Александра убили.

Я превратилась из географа в писателя, как мне советовал отец Александр. Окропил меня, как деревенского поросёнка.

Я решила опубликовать нашу переписку, и хотя отдельные истории и эпизоды из моих писем вошли в мою книгу "Америка, Россия и я", но здесь в контексте с письмами отца Александра, они приобретают иную окраску. Письма были ниточкой - пуповиной, связывающей меня с оставленным миром, и даже самые маленькие весточки отца Александра имели для меня значение молитвы, были целебным бальзамом.

Диана Виньковецкая

30 августа 1977

Дорогой отец Александр! Здравствуйте!

Я давно хотела Вам написать, даже делала некоторые попытки, как-то у меня всё не получалось, но я с Вами разговаривала. Я рассказывала Вам, что произошло с нами за эти два года, что изменилось в нас, в нашем окружении, что мы приобрели и что мы потеряли.

Вначале был сон, как в глубоком сне я была в Вене, в этом непривычном мире слов, вещей и поступков. Я даже не могу сказать, хороша ли Вена? Я себя там чувствовала плохо, неменяемо, если можно так выразиться. В Италии был отдых, я стала приходить в себя, постепенно влюбляясь в Рим, который поначалу мне не понравился: грязь, на окнах жалюзи зеленого цвета, какие-то(?) развалины... Когда же я увидела Рим сверху, то внезапно открыла, что он красив, и начала влюбляться в него, в каждый двор, улицу и в те пожухлые имперские развалины, которые мне сначала ничего не сказали.

Но Италия, как и вся Европа, живет понятным и привычным для нас способом - блат, коррупция... Как нам написал Иоанн Сан-Франциский¹, с которым Яша переписывался ещё из России, связывая науку с религией, - "Америку ни с чем не сравнивайте, она ни на одну страну не похожа". Это оказалось правдой.

И вот движущийся асфальт аэропорта Кеннеди вынес нас в новую жизнь, в новый свет, в новый город. Встреча с Нью-Йорком оказалась неожиданной: он страшный урод и паршивый, правда, своеобразный - в нём есть всё. При поддержке Толстовского фонда нас поселили в отеле-ночлежке в центре Манхэттена. В первую ночь я взглянула в окно отеля: как Америка-то выглядит? И, увидев двор глухой, чёрный, без окон и дверей, заброшенный бумагами и мусором, подумала: не в районе ли описанным Достоевским я оказалась? Прямо тут Раскольников старушку-то и убил?! И это Америка?! Ночью под кроватью шебуршали мыши и бегали тараканы. А наутро: за углом, роскошные магазины, застеклённые витрины с показом всего, что производит человечество всего земного шара. Нью-Йорк поразил меня своей кусочностью (как

писали у нас, контрастами), он - как деревенское одеяло, скроенное из самых разных лоскутков: к парчовым пришит изношенный кусок старой портянки, к маркизету пришпандорена дерюжка старого пьяницы. С признаками столицы и захолустья вместе. Тут другие запахи и звуки. Я разинула рот и долго его не закрывала, закружившись в ритме и суматохе нью-йоркских улиц. Как громадный симфонический оркестр, где каждая улица издаёт свои звуки, как некрасивая, но очаровательная женщина затягивает вас навсегда. Улицы: Брильянтовая - с продажей брильянтов самого неожиданного вида (будучи географом-геологом, только в музее видела нечто подобное.): Радиально-лучистые, овальные, маркизы, кабошоны, собранные, рассыпанные, они лежат в витринах на чёрной фольге и сверкают огненными лучами. Цветочная - с магазинами невиданных цветов: чёрные тюльпаны, хризантемы, величиною с подсолнух - лохматые, махровые, белые, красные. Букеты из чайных роз. Порнографическая - на ней все чудеса человеческого оголения. Галерейная - с безлюдными галереями, увешанными всем на свете, и в них заходить страшно, если бы не Яша - не зашла бы.

Улицы разные, как жизнь. Между небоскрёбами попадаются готические храмы с кружевными шпилями, со сводами, тянущимися ввышину, величественные и независимые.

Я не видела ни одного города с такой чудовищной красотой, с таким обвораживающим размахом и полюбила это чудовище, и, набросив на него фату смеха, наслаждалась высотой небоскрёбов, уносящих в космос, длиной бесконечных улиц, уводящих в сладостную даль, свободным дыханием колоссального Люцифера. Днями и изредка ночами бродила с детьми по его пространству, ездила в метро, где люди читают газеты всех стран, всех цветов и оттенков: китайцы, индусы, негры, евреи, арабы... и я как представитель бывших великодержавных славян - осколок изверженной породы. В метро кто ест, кто отдыхает, кто поёт, кто говорит о кризисе, кто показывает фокусы, видели мужика, который предупреждал о надвигающемся матриархате, обвесив себя досками, на которых были написаны пункты всех женских притеснений.

Удивлялась глядя на одежду встречных, которая как выброшенная, не приласканная, не любимая, случайная, новенькая, как не своя. Надень на голову кафтан - никто не заметит, не обсмотрит,

не обернётся. Одеваются, кто как хочет. Видела одну даму возраста очень взрослого, у нас такие давно уже в гробу лежат, а она шла по шикарной улице Пятой авеню в серебристом норковом мантио, в босоножках на громадных красных каблуках, с кружевной причёской на голове. "Не статуя ли Свободы вышла прогуляться?" - подумала я, и на душе потеплело, оттого, что и у меня ещё есть время так прохаживаться. Про Нью-Йорк могу писать до бесконечности его улиц, до скончания открывшегося времени.

Уже в Нью-Йорке я удивилась новому ощущению себя - "приобретению времени", если можно так выразиться, будто время растянулось, потому что тут люди "дольше" чувствуют себя молодыми. Меня не подавил страшный Нью-Йорк, а скорее наоборот, в нём я вдохнула новое ощущение, хоть и без денег, без работы, на графской помощи, а хорошо. Может, потому я и полюбила Нью-Йорк? Ведь мы любим не улицы, а своё ощущение в них. Или в Новом свете время другое, или я себя в новом свете не узнаю? У меня появился запас времени! Я приобрела время, хотя и многое потеряла - пространство, в котором жила: родину, друзей, окружение. Время, как нас учили, связано с

пространством, я никогда этого не понимала и сейчас не понимаю, а просто смеюсь. Открываю многое про себя, издалека думала, что "окна буду мыть", а нет, уже не хочется, всё больше хочется воображать... пристроиться куда-то к науке. Я набаловалась в Ленинграде, работая в университете, вроде как учёный, хотя подспудно всегда знала, что больше подхалим. А вот Яша - взаправдашний учёный. Я восхищаюсь его способностям проникать за сущность вещей. Когда нужно объяснить какое-нибудь геологическое явление, он мне говорит: "Ты должна стать этим камнем, этой горой, кристаллом, чтобы понять их!" А мне не хочется! Мне совсем не хочется быть камнем или горой, разве что брильянтом, я хочу быть красивой женщиной. Правда, у меня шебуршится много амбиций, но они ещё не вошли в сознание.

В Нью-Йорке мы пробыли восемь месяцев, это был напряжённый период нашей жизни: поиски работы с каждодневным напоминанием со стороны Толстовского фонда, что мол, хватит сидеть на нашей шее, того и гляди они выбросят нас на улицу, и выгоняли, и снова брали. О Толстовском фонде остались самые неприятные воспоминания, но писать о них не буду, всё-таки они "продержали" нас,

хотя мы за это платили своими нервами. Но ни Толстовский Фонд со спесивыми и жалкими графьями, ни нищенское существование не смогли отравить мне сладость от Нью-Йорка. Я вдыхала свободный воздух Нью-Йорка и забывала, откуда я приехала, выходила в Нью-Йорк, растворялась в толпе и - чувствовала, что я всё-таки человек, если можно так про себя подумать, а не винтик великой системы, и влюбилась в Нью-Йорк. Я потеряла голову от любви и свободы. Город "жёлтого дьявола" околдовал меня, и я хочу там жить. Американцы говорят, что Нью-Йорк - это не Америка. А что? "Достопримечательность Америки" - как написал наш друг поэт? Или столица мира, - как думаю я, и это первое, что приходит на ум, наверно, не мне одной.

Мы с грустью покинули "неамерику", "столицу мира", "достопримечательность" и поехали в Америку, в комфортабельную американскую ссылку после того, как Яша - наконец-то! - получил предложение из маленького университетского городка, расположенного в Апалачских горах, в самом хвостике штата Вирджиния.

Как только мы приехали в Блэксбург и разложили свои вещи, то стали приходить соседи с дарами и подношениями: кто нёс торт, кто цветы, кто что. "Скоро День независимости - приходите в гости". "У нашего младшего сына Данички день рождения в этот день (5 лет)". Все удивились, обрадовались и устроили ему праздник, подарили подарки, спели песенку. Мы с Яшей подумали: "Вот мы и в Америке!"

И я Вам пишу из этого городка Блэксбурга. Из нашего окна видна гора "Париж", но вокруг не Франция, а тихая претихая Америка, такая американская, университетская, комфортабельная глухомань. Университет, как средневековый замок, окружён селеньями с домами профессоров, студентов и подсобных работников. Мы сняли дом "компьютерного" профессора-немца, уехавшего на "саббатикл" - годовой отпуск (такое полагается после семи лет университетского служения), и живём в нём. Яша называет его "наш" дом, я смеюсь, потому как он такой же наш, как Кремль, правда, с разницей, что, может, когда-нибудь такой дом у нас и будет, а вот Кремль мы уже вряд ли приобретём. Яшу пригласили, как он Вам, наверно, писал, работать в университетском проекте изучения распределения

нефти по миру, и ещё он читает курс лекций по энвэрменту (такой науки у нас не было). Студенты сбегаются к нему со всей округи. На лекции студенты ходят кто в чём хочет, кто босиком, кто с мешками, кто с дырками на штанах (может, и в головах, на первый взгляд этого не видно) и почти все с собаками. Идёшь по университету и кругом восседают самых разных видов собаки - ждут своих хозяев с лекций. Американцам с детства внушается: ты свободен, и друг твой только собака. Это я просто так болтаю, хотя "некоммунальность" и индивидуальная внутренняя свобода американцев бросается в глаза сразу. И ещё повальная вежливость. На работе никто вместе за столом кофе не пьёт, каждый сам по себе выпивает свою кружечку кофе. К тебе в душу никто не просится, но и тебя к себе не пускает.

Меня тоже взяли к Яше в проект на полставки, и я изо всех сил работаю, даже Яша меня иногда хвалит, и мне так хочется, чтобы Яша всегда меня хвалил. Никто не следит, когда пришёл, когда ушёл. Я как приду на работу, то норовлю чихнуть, поскрипеть стулом, кашлянуть, мол, пришла, потому как мой начальник в соседней комнате. Я даже до компьютера дотрагиваюсь, секретарша его боится, и

вместо неё я его трогаю - ввожу данные на английском, который осваиваю с большим трудом. Она боится компьютера, а я боюсь того, что ей в голову не приходит: мне боязно, к примеру, войти в конференц-зал, где стоит жбан с кофе, и налить кофе, если там идёт совещание. Стою под дверью с кружкой, Клер не понимает меня, почему я не могу войти и налить себе кофе, она свободно ходит туда-сюда, наполняет мне чашку, а я от привычного страха, что кто-нибудь одёрнет, наорёт, - не могу открыть дверь. Но постепенно уже приоткрываю двери. Через кофе понимаю свободных людей.

С кофе у меня есть ещё история. Когда я пролила кофе в аудитории, занимаясь английским в Колумбийском университете, я от того же страха, что сейчас войдёт уборщица и меня тряпкой огреет, так стала метаться и нервничать в поисках тряпки, что студент Гарри, с которым я "обменивалась уроками" (он изучал русский язык, а меня обучал английскому), подумал, что я сошла с ума. Вместо того, чтобы пересесть на другое место, как делают нормальные люди, я бегала, как ошпаренная, пока он меня не остановил и не объяснил мне правила поведения - не бояться уборщиц.

Наша секретарша Клер меня удивила и другим. Я ей говорю: "Клер, больше 500 докторов наук из России приехало в Америку", а она отвечает: "Как это хорошо для Америки! Это поможет её процветанию". Я открыла рот. Её ответ поразил меня чувством достоинства. У неё президентское ощущение себя. Я представила: если бы к нам приехали специалисты из другой страны и заняли наши места, что бы мы говорили? Вся наша "коммунальность" сразу бы исчезла.

И чтобы я ни писала, люди везде одинаково-разные.

Первое время, да и сейчас, нам, жившим в совершенно ином общественном строе, многое не понятно в американском образе жизни. Учимся ходить. Мы привезли свои понятия, свои "утюги на голове" и попадаем в нелепые и смешные истории. Яша в Сиракьюзах обратился к мэру, он молодой и красивый грек, политик, который нам помогал с отъездом и был у нас в Ленинграде в гостях: "Ли, помогите мне организовать выставку в Вашем городе". Тот опешил, и ответил, что он "может представить Яшу директору музея". Что-то шевельнулось в наших головах, что мэр - не Василий Иванович из горсовета. Постепенно приходится

открывать, что тут нет привычного нам способа устройства на работу, организаций выставок (может быть, и есть, но не в той форме, как мы привыкли.) Ни мэр, ни шмэр, никто тебя не может "устроить" на работу, если ты там не нужен. Брат президента Картера не прошёл в мэры их крохотной деревни, так как народ считал другого более подходящим. Мыслимое ли дело, чтобы народ, журналисты президента уволили, я имею в виду Никсона?! Яша прочёл все книги по этому "делу" и хотел написать статью для европейцев об этом, как о славе американской конституции, демократии и её народа.

Надо сказать, что наши представления об Америке оказались совершенно другими - не соответствующие нашим ожиданиям. Всё проще, чем ожидалось, те же люди, те же заботы... и в чём-то жёстче, чем казалось. Здесь каждое явление в новой окраске. И что совсем правда: "что, в сущности, весь мир провинция, а не провинциальна только Библия".

Я Вам не рассказала, какие тут успехи у Яши после прочтения его курса по "энваэрменту." Это был Яшин триумф. Студенты в полном восторге, что было для нас неожиданностью, хотя и

подтверждением того, что всех интересует понять мир во взаимодействии. Один сказал, что "лекции были, как музыка", другой - что "в жизни не слышал подобных лекций" и т. д. Яша через все лекции проводил мысль о взаимосвязи мира и всех процессов, то, что всегда пытается мне внушить. Он хочет, чтобы я приходила в сознание, чтобы я поверила в Высший смысл, услышала в себе Божественный голос.

А у меня ведь веры ещё мало, очень маленькая капелька. Ничего меня не осеняет, ничего не просветляется. Сталкиваюсь с необъяснимым - и ничего. Читаю Ваши книги - интересно, нравится, слушаю Яшу - восхищаюсь, в какой-то момент блеснёт что-то человеческое, а потом снова погружаюсь в своё неверие. Я ведь только недавно открыла, что есть другие люди - через любовь. В один день я внезапно поняла, что Яша ведь такой же... как и я... и, нет-нет, мне придёт это в голову и о других людях. Но помню об этом не всегда.

Возвращаюсь к началу письма. Что же мы приобрели? - свободу и себя. А потеряли? Потеряли родину, язык, друзей, родных, Вас. Иногда подступает вина за оставленных, сбежала "под чужие

небеса". Но посмотрю на своих детей, Яшу, и боль стихает.

Хотелось бы время от времени получать от Вас письма, которые были бы для нас мостиком, ниточкой, связывающей нас с покинутым отечеством.

Можно ли мне Вас обнять на прощание? Не слишком ли это нахально с моей стороны? Но я всё-таки это сделаю, хотя мне до Вас и трудно дотянуться.

Обнимаю Вас. Дина.

[декабрь 1977]

Дорогая Дина!

Ваше письмо - чудо. Редко кто писал так живо, выразительно и объективно. Все уехавшие почти не замечают окружающего, будучи сбиты с ног радикальными переменами жизни. Я думаю, что у вас это так вышло (я имею в виду всё вместе) потому, что вы оба - нормальные, полноценные, духовно богатые люди, и уехали, в сущности, не от обид, а "для деловой перемены места жительства".

Я ужасно был рад тому, что (и как) Вы писали о Якове и его работе. Он счастливый

человек, раз Вы умеете его так любить. В конце концов, что такое вся земля, все краски и шум мира, если нет любви. Недаром это слово начертано на кресте. Пусть ее еще мало в жизни, но тем дороже она, как подснежник ранней весной среди сугробов. Она - ворота и в ту Глубину жизни, которая делает ее полной, которая открывает нам безграничные горизонты.

Я уверен, что лекции Якова по геологии потому произвели столь сильное впечатление, что он живо ощущает внутреннюю связь с целым. А ведь по-латыни связь - "религаре", отсюда и религия.

Вы говорите о своем маловерии. Но на самом деле неверующих нет. Все люди шестым чувством знают, что бытие наше имеет смысл, что оно больше, чем поверхность вещей. Только мы это осознаем и ищем путей личной внутренней "связи". Она не есть только переживание какого-то мгновения или особого состояния, именуемого молитвой, а всеединый охват жизни "перед лицом".

Вы очень здорово описали дух американцев. Это действительно нечто отличающееся от нас. Но вижу, что Вы входите и привыкаете. Все доброе пронизывает быстро, а темное - где его нет?

От души желаю всей Вашей семье мира, труда и радости. Поздравляю Вас с праздником Рождества и обнимаю взаимно.

С любовью,

Ваш

о. Александр Мень.

20 января 1978

Дорогой отец Александр!

Так приятно было получить Ваше письмо. Это был подарок к Новому Году и Рождеству. И настроение изменилось.

А настроение было плохим из-за возвращения из первого американского отпуска. Ой, как я не люблю возвращаться ниоткуда и никуда. Я даже сердилась на людей в экспедициях, когда люди торопились домой. Я всегда знала, что вернусь, и никуда никогда не спешила, и вот уже "свой" дом завела из двух уровней, а возвращаться не люблю. Видно, видишь время как таковое? Видимо, что-то отсекается, и мне всегда становится грустно после возвращений. Я даже Библию открывала, чтобы утешиться, но так мало понимаю, блуждаю как по тёмному лесу, сама себе не нравлюсь, и это как-то грустно.

Нет, я лучше расскажу Вам как мы путешествовали, как мы искали Америку и себя в ней. Перво-наперво мы поехали в Вашингтон на конференцию "Из России с искусством", куда Яша

был приглашён как художник и теоретик худ. авангарда. Мы захватили с собой младшего Данилку (5 лет), а старшего Илью (12 лет) оставили в Блэксбурге у друзей. Сели в машину и помчались со скоростью 120 км в час. Я первый раз появилась на большой дороге с рулём в руках, Яша не любит такого способа управления и предоставил мне это удовольствие. Я испытала перемешанное чувство страха и наслаждения. Страх неуверенности - повернёшь руль от себя чуть-чуть, а как далеко окажешься (в раю или в аду?) - и наслаждения от этого "чуть-чуть". Машина неслась по пятирядовому "белтвэю" круговой дороге в этом безумном коловращении, впереди машины, сзади машины, над тобой, под тобой, я не чувствовала ни рук, ни ног, ни головы. Только успевай читать надписи, где тебе свернуть и куда тебе ехать, а то так и будешь по кругу ездить, всё по кругу, если не вылетишь по касательной в кювет (или на небеса). Это был кусочек из моих представлений об Америке. Мы прибыли в отель с разными приключениями, попробуй, найдись в круговерчениях улиц и площадей незнакомого города, хоть мы и привыкли ориентироваться, но ведь по безлюдной степи. Только въехали в центр Вашингтона, как я услышала

за собой вой полицейской машины, я тут же остановилась, всегда готовая для наказаний. Полицейская - красивая чёрная девка - сказала мне, что я неправильно повернула на красный свет, в штате Вирджиния можно поворачивать, но я уже в Вашингтоне, где нельзя. Я задрожала, смотрю на неё со страхом, а она меня ласково спрашивает: "Вы заблудились? Куда Вам нужно?" "В отель "Плаза", - отвечаю я. И вместо того, чтобы меня оштрафовать, как сделал бы сотрудник Гаи, полицейская говорит: "Следуйте за мной, я вам покажу дорогу". И довезла нас. Яша и я так удивились столь нежному обращению со стороны власти, да ещё негритянки: почему она нам не отомстила за рабство? Я пошутила, что она, посмотрев на моё бессмысленное лицо, поняла, что мы только за полицейскими умеем следовать.

Конференции, конгрессы, совещания проходят в Америке в отелях, где человек делает всё: спит и кушает, докладывает и слушает, покупает и продаёт. Отель "Плаза", где проходила эта конференция и где мы должны были жить, поразил меня своим великолепием, своей царственной роскошью. Яша сказал, что "великолепие - единственное, что оказывает воздействие на дикого человека и

повергает его в онемение". Это правда, я онемела и сжалась от жалости к себе. В роскошном окружении я чувствовала себя, как наш обшарпанный чемоданчик с Нью-йоркской помойки, который я накануне зашивала нитками на живуху и закрашивала плешинки от протёртостей фломастером, как Акакий Акакиевич, пришедший к генералу. Однако взглянув на наш чемоданчик, который привезли на тележке вместе с приличными чемоданами, я опять поразилась - он выглядел вполне пристойно в этом окружении, и это навело на мысль о преобразовании вещи в окружении. Может, и я похорошела?! И я расправилась.

На конференции в разных залах происходило разное, в одном месте обсуждали русскую литературу, обогатившую человечество, в другом - русское авангардное искусство, толкнувшее мир в объятия тьмы, в третьем рассуждали про русский язык, не завелось ли в нём чего-нибудь новенького? Но главное, всех интересовало, что же дальше будет делаться в России? По этому поводу в большом зале выступал А. Амальрик². В зале, где он говорил, была жуткая толпа, все ожидали чего-то предсказательного, ведь он наобещал, что Союз не доживёт до 84 года. Все ждали, что же он скажет?

Но его речь была не о том и меня разочаровала. Он говорил по-английски, который был ужасным, ещё хуже моего, - видно, он решил, что раз храбрый был, то и английский знает. И содержание его выступления соответствовало его "пык-мыку" не было ни интересным, ни значительным, хотя год назад, когда они вместе с женой и Литвиновыми приезжали к нам на Новый год, он мне показался умным (конечно, с Яшей не сравниться!) Правда, тогда он был ещё свеженький, не такой важный и рассказывал разные лагерные "байки". Откуда у людей такая мания величия берётся? Одну книжку прочитал и уже зазнался, а уж если написал чего-нибудь, то просто не дышит. После выступления Амальрика я уже не хотел а слушать никаких речей и ушла "в кулуары", где встречалась со знакомыми и незнакомыми, сливаясь в экстазе болтовни.

Всё это мероприятие (конференция) сопровождалось выставками бывших и небывших "советских" художников, как их назвали, "авангардистов", в нескольких галереях Вашингтона. Яша тоже был представлен и висел в трёх галереях. Эти "висенья" ничегошеньки не значат - мало кто ходит и глядит на них, как вообще мало кто интересуется искусством, так вроде меня, поболтаться. Все гоняются за

именами, а так, чтоб самому открывать, то это большая, почти не встречающаяся, редкость. Одна галеристка присмотрела Яшу для дальнейшего показа после Нового года, но что из этого получится - посмотрим.

Дальше были банкеты, встречи, приёмы у всей русско-американской знати. Это я люблю. Яша говорит, что я, как Хемингуэй (только у меня нет пока такой славы), бегу от себя, от смерти, от углубления, время заполняю развлечениями. Это правда, я жутко не могу быть одна, я леденею от страха встречи со своим глубинным "Я". А на людях - ха-ха и хи-хи - дурочка. Главный банкет был в Джорджтаунском университете, где царила госпожа Елена Якобсон³, сверкала своей энергией, всех рассаживала, командовала. Меня она посадила за важный стол - то ли за мою неземную красоту, то ли за красивую юбку? - вместе с графом Толстым и его красавицей женой, бывшим послом и его дочкой и ещё каким-то господином. В самом начале выступлений возник маленький скандал, когда слово дали нашему поэту Косте Кузьминскому, помните, он показывается голенький на страницах "Аполлона"⁴. Костя любит заложить за воротник и поискать истину в вине, и в тот момент, когда ему

предложили что-то сказать, он как раз был погружён в поиски истины, и поэтому его выступление носило фривольный характер и оттенялось крепкими русскими словами. Яша, не выдержав оскорблений Кости, которые тот посылал в адрес американских профессоров, вскочил и довольно резко успокоил Кузьминского, (не было моего "удержу", так как он сидел не с графьями, а с беспородными разночинцами), прокричал на весь зал, чтобы Костя сел. Большинство считало Яшу героем, мол, честь спас, благодарили, отдельные восхищались Костей, (мой сосед-граф), мол, своё мнение высказал, хоть и матерное, но своё. А мне всё это испортило настроение - из России со скандалами. Как видите, "наши" себя умеют показать, и везде будет весело. Тем более, что после банкета Костя своеобразно извинился перед Яшей: подошёл, полез целоваться и настаивал, чтобы Яша все-таки с ним согласился, что американцы - дураки.

Затем всю русско-художественную братию, приглашённую со всех континентов, около 50 человек, повезли в поместье Миллионера (видите, даже с большой буквы написала) Нортон Доджа⁵, собирателя русского авангарда, под видом

обсуждения проблем русского авангарда пожить три дня в миллионерских условиях.

Дом по ту сторону моих снов, на берегу океанского залива, миллионерский - вокруг красота: подстриженные кусты и деревья с ветками, спадающими до самой земли, а внутри всё ещё красивее, комнаты самого изысканного убранства, китайские, итальянские, французские. В большой главной гостиной русская печь, вернее, громадный камин, облицованный изразцами с цветной глазурью. В нём готовили устриц, которые я пробовала впервые и, кажется, съела всех, они попискивали, когда я их заглатывала. Пили вино с заводов Нортон, особенно увлекался им наш поэт-хулиган Костя Кузьминский, который на этот раз во время всех дискуссий и обсуждений возлежал под столом - "у ковра" вместе с нашим сыном Даничкой, который везде бегал.

Было много наших друзей и знакомых - А. Раппопорт, Л. Мастеркова, Г. Элинсон, О. Прокофьев, С. Шиллер, С. Брук, А. Глейзер, И. Голомшток и другие разные люди. Я не знаю, знаете ли Вы их? Обсуждали, говорили много и по-разному совместно с американскими искусствоведами, молоденькими хорошенькими девочками (хозяин-то миллионер - холостяк!) Опять же лучше всех

говорил Яша. Или он мне больше всех нравится? Он так красиво говорил о любви в искусстве, о том, что "человек существует в двух мирах: в мире свободы и в мире необходимости, и искусство разрешает антиномию между двумя мирами". Хотя я еще очень маловерующий человек, но бездуховные разговоры совсем пусты и скучны для меня. Я всегда слушаю только самых умных мужчин: Яшу, Канта, Вас и ещё двух, трёх.

Потом мы поехали в Бостон, где жили у наших друзей. Я взахлёб разговаривала, в промежутках взглянув на Бостон. Он красивый, краснокирпичный, но как-то все города, достопримечательности стали безразличны мне, как и я им. Меня притягивают только люди и те места, где они есть. Вот уехала, думала "мир глядеть", а оказалось... ничего не надо, кроме общения. И никакая Гонолула меня не манит теперь. И это так странно оказалось. Мир-то одинаковый: камни да природа. А главное-то, и правда - любовь! И как сохранить её в себе? И как часто не хватает её у меня.

После Бостона поехали "под" Нью-Йорк в Территаун к Павлу и Мае Литвиновым⁶, где им "дали" квартиру при школе, в которой Паша преподает. Школа, как замок, на холме. Детей-

школьников не видела, они какие-то тихие, не орут, как бешеные. Только запах в школе тот же - официальный. И что удивило - пять преподавателей физкультуры и... ни одного географа (я ведь как бы ученый географ, кандидат наук). Школа частная, очень хорошая по американским стандартам. И кажется мне, что образование тут хуже нашего, ничего не знают, ни географии, ни истории. Как в доме отдыха - физкультурничают. Ходят слухи, что в университете якобы навестывается, но... я в этом сомневаюсь. Ой, и темные есть профессора, как из глухомани. Можно подумать, что у нас в ЛГУ были светлые?! Хотите верьте, хотите нет, мало кто знает, где Ленинград? "Что это, часть Москвы?" Смотрят, как умалишенные, телевизор... А там, как взглянешь, так тошнит, и не то, чтобы порнография, нет, просто - ничего - ничего не происходит, вернее, грабят, убивают, бегают, стреляют, рекламируют мыло и зубной порошок. И это странно. Такая пустота и бездуховность. Казалось бы, по воскресеньям 97% верующих в Америке, по опроснику, проповеди... настолько скучные, что я диву даюсь. Вот как я раскритиковалась! Это все к тому же, что весь мир - провинция... А не провинциальны Ваши книги.

В Территауне Мая меня свела в очень интересный магазин, где я потеряла не только деньги и время, но и голову. Очень богатые еврейские люди создали такой магазин, куда они отдают все ненужное барахло, а деньги идут на помощь людям, Израилю. Вещи такой неопикуемой красоты задешево, что я купила их немислимое количество: 3 шубы, выворотку, два пальто - сбывась завистливая ленинградская мечта, знаю теперь истоки коммунизма, раньше я только об этом догадывалась, а теперь воочию убедилась - они от зависти.

Хозяйка магазина - жена мультимиллионера Гильдесгейма (он помогает Яшиному отцу Арону Я. с публикацией сборника еврейских песен), энергичная дама, работает с 9 до 5 - при своих-то миллионах. И это Америка! Я думаю, что на мои деньги Израиль пушку купит, надеюсь, что теперь уже не пушку, а египетскую вазу. Пишу, чтобы сказать, как сильны и восхитительны тутошние евреи. А вот представители "великого русского народа" не вызывают у меня подобных чувств, у наших зависть опережает все остальные чувства, - сужу по себе. Как вспомню графьев из "Толстовского фонда", так и понимаю, почему мы тут оказались.

А украинцы какие "самостийные"! Еду по Вашингтонскому центру - Белый дом, дворцы посольств, стеклянные офисы, глядь, памятник, думаю: Джефферсону или Вашингтону? Нет, говорят, это Тарас Шевченко! Посреди Вашингтона ни с того ни с сего - Тарас возник. Украинцы поставили. "Дэвлюсь я на нэбо..." Иду по 5-ой авеню, самой шикарной улице Нью-Йорка - дворец из монолитного гранита: Украинский институт. Вот так все объединяются за исключением самых великих славян.

Мы после Территауна поехали в Нью-Йорк, где у меня была деловая встреча с переводчицей Миррой Гинзбург, к которой я пробилась сквозь осаждающую её толпу нашего брата, воображающего себя Достоевскими и Толстыми, я тоже присоединилась к ним - в писатели подалась. Я придумала сделать книжечку из записанных интересных высказываний и разговоров нашего старшего сына Илюши, которые мы с Яшей записывали, оформила их по темам, и получилось неплохо - наблюдение за развитием личности. Показала переводчице, она вроде согласилась мне помочь, но я ещё не знаю, как всё это сделать окончательно.

Старший наш Илюша удивительный, как только начал говорить, так всё время будто думает о

жизни и смерти, о происхождении людей, и так красиво говорит об этом. Наш один друг сказал: "Интереснее беседовать с Ильёй, чем читать "Континент" - это он, конечно, чтобы последний унижить. А младший, Даничка, не отличается такой глубиной, но хваткий и ловкий. Читает на двух языках, хотя о жизни ни капельки не думает, а уж пора - ему пять лет! Он американец, улыбается и всё себе гребёт. Тут письмо и подарок получил от Игната, сына знаменитого писателя на букву "С"⁷, и начал бойко с ним переписываться. Наши друзья работают в "ставке" воспитателями и они организовали эту переписку для поддержки у своих подопечных русского языка в изгнании. Илюша теперь говорит, что ждёт письма от Картера.

Я должна заканчивать, а мне хочется и хочется Вам писать, уж не графомания ли сменила депрессию? Мне хочется описать Вам наш визит к донскому казаку, который живёт тут недалеко около Ронока. Он из второй иммиграции, из тех, кто уехал из германского плена в Америку. В Германии был чёрнорабочим, а тут живёт, как миллионер, своими руками построив несколько дворцов с садами, всю свою "пропертью", и как!? В Германии, говорит, научился, "всё присматривался как немцы кирпичик

к кирпичику прилаживают". Плюгавенький такой мужичишко, чуть больше меня ростом, без языка, без роду, без племени приехал в Америку и так развернулся. "Тут каженный миллионер, кто работать хочет", - говорит он. "Американцы тупые, строить не умеют и работать не хотят. Да если б нашим-то да такую свободу, да мы бы и Африку кормили". Мы говорим, но вот страна-то какая замечательная? Как всё организовано! На что он отвечает: "Засамые ихние первые президенты, Джефферсон ихний, да Вашингтон ихний, трошке, умные были, всё и обосновали". И потом: "Деньги у них двести лет не менялись, так и идут, так и идут". Мы с Яшей восхитились его смекалкой, энергией и жизненной волей. Яша поразился: "Вот какой действительный политический эконом!" Куда в России все такие подевались? И никто не даёт ответа. Про него можно большой рассказ написать, но сейчас я должна закончить этот маленький мостик, чтобы перебросить его через большой - большой океан.

Я Вас обнимаю и жду Вашего письма.

Дина.

[март 1978]

Дорогая Дина!

Вы просто писатель! Мало от кого такие письма я получал. Мы устроили семейное прочтение эпической его части и насмеялись досыта. Как въяве увидели всё то, что Вас окружало во время путешествия. Не географией бы Вам заниматься, а быть репортёром - по меньшей мере.

От души радуюсь за Вас, за Якова и сыновей. Обычно пишут так минорно, так зацикленно на себе, так растерянно. А ведь правы - Вы, и я это всегда знал и утверждал: всюду в мире люди, всюду сходные проблемы, грехи, труды, переживания. И не нужно далеко ходить, чтобы к этому прийти.

А Библию Вы зря стали читать. Успеется. К тому же читать ее надо не подряд. Для этого на английском есть ряд хороших указателей. Всю литературу (годную для Вас) можно выписывать из "Литургического издательства" в Колледжвилле (Миннесота). Яша поможет Вам сориентироваться в их каталоге.

Ну, а пока я всегда готов Вам помочь. Суть же Библии, конечно, в Евангелии.

Сейчас есть очень хорошие английские переводы (Нью Американ Байбл). Библия - как ноты. Знаешь их - зазвучит музыка. Нет - одни крючки. Путь же к вере - это путь к себе самой. Ее надо не найти где-то, а открыть внутри себя. Это просто жизнь пред Небом, рядом с Безмерным, которое открывается в личности Христа. (Попробуйте найти брошюру Джона Л. Маккенза, Мэстеринг мининг оф эз Байбл, Уайлк-Барре, Пенсильв. 1966).

Нужно почувствовать, что наша внутренняя жизнь - главное, что она есть, что это целый мир и богатство, которое мы еще не раскрыли. Об этом хорошо говорит митрополит Антоний Блюм (Его книги по англ. выходят в Лондоне). Говорю о книгах, так как не могу сам Вам сказать много в письме. Впрочем - попробуем, если захотите.

Всегда молюсь за вас всех.

Ваш о. Александр Мень.

[февраль 1978]

Дорогой отец Александр!

Месяц назад я Вам отправила письмо с описанием внешних событий нашей американской жизни. Сейчас пишу "внеочередное" письмо, чтобы рассказать Вам, что происходило и происходит внутри меня этой зимой на третьем году жизни в Америке. Всю эту зиму я жутко страдала, думала, что сойду с ума... от бессмысленности жизненного существования. Там, в России, вся жизнь заполнялась суетой, работой, встречами, карьерой, пропитанием и т.д., а тут я увидела всю тщетность этой суеты, и мне нечем стало жить... и были только страдания. Казалось, что я уже не могу их вынести. Все внешне прекрасно, дети здоровые, упитанные, довольные; Яша тоже в полном порядке, работает, пишет... роскошный дом, машина, прекрасная еда, а я в жутком состоянии перед лицом проблем времени, смысла жизни, сама перед собой. Дышу пустотою, думаю пустотою, никаких желаний кроме одного: исчезнуть. Как создать мир в себе? Как жить в

контакте с собой? Как обрести смысл? Я молю Бога послать мне веру, послать мне любовь. Я застыла между верой и неверием.

Свобода-то, оказывается, не всем под силу. Я вот стою голой перед её лицом, свободной от иллюзий, свободной от мифов, свободной от утюгов. И что? И свобода себя оказывает. Понимаете, красота природы, музеи, города, прекрасные фильмы перестали мне доставлять наслаждение, уж не говоря о том, что опротивел американский человек, хотя он, может, и лучше нашего во многом. Все как-то померкло пред лицом пустоты, в которой я оказалась... Хуже ада. И медленно я выкарабкиваюсь из этой тьмы и надеюсь обрести "мужество жить". Мне так хочется поверить настоящему, по-правде, во что-то одеться. Как Вы думаете, смогу ли я, если я очень-очень хочу? Помолитесь за меня. Кажется, что что-то такое уже просветляется во мне. Конечно, я еще только "в пути", но я понимаю, чего мне не хватает, надеюсь и прошу. Я поняла, что говорится в словах: "блаженны нищие духом" - это о тех, кто просит духа, о тех попрошайках-нищих, которые стучатся в дверь будущего и выпрашивают духовности. Это

просящие. И я к ним присоединяюсь. У меня потребность в духе.

А теперь о другом. Об американском человеке. Человек везде человек. Но нас обокрали, нас лишили собственного значения, кажется, это давно в России началось. Мы все глядели, разиня рот, на Запад... восхищались джинсами-"шмынсами"... а тут-то еще больше пустоты и темноты как таковой. Может быть, я сейчас и несправедлива, но просто мне обидно за нас, потерявших родину, себя, смысл. Мы были с утюгами на голове, и казалось, что есть где-то что-то другое. Может, на другом глобусе? Я в восторге от Америки как от страны, где люди чувствуют себя свободными, без страха, без "утюгов". Но, иногда мне кажется, что здесь всё как ватное, пластиковое, дискретное... Я имею в виду людей. Может, здесь самое страшное - это переоценка себя и отношений "я" с другими "не-я"?

Если у нас каждый пьяница валяется под забором с поиском... с какой-то тайной, то тут преобладает поиск денежного знака, налоги беспокоят всех, сэйлы-шмэйлы. И при такой-то свободе! Казалось бы, как много можно обнажить прекрасного, доброго... Познания себя, любви, Бога.

А что происходит? Телевиденье - жуткое, бесконечные криминальные дурацкие фильмы. Главное, что они никому не нравятся, кого ни спрошу. Бесконечные шоу-дрыганье ногами. И нет того, что могло бы быть. Ракеты посылают чуть ли не в другие галактики, а что творится? Ракеты никого не спасут. И деньги, и суета. А что же спасет? Любовь и Вера, правда?

Яша сейчас уехал в Сан-Луис, "город прекрасных дам", на рабочее интервью, там хороший университет, прекрасное профессорское место. Правда, уж очень далеко, "там, где Миссури впадает в Миссисипи, там, где небо сходится с Землей". А мне бы хотелось жить ближе к друзьям, к Нью-Йорку. Но, все как-то образуется, это меня сейчас, как Вы видите, мало беспокоит, где мы будем жить, не затеряемся, главное бы, себя найти в этой жизни, в этом мире, а географически все оказывается не важным - мир-то один. И от самой себя никуда не уйдешь. Каждый из нас остаётся на свете всё тем же. Я бросила родину, оставила родителей, друзей, город, работу, чтобы приобрести свободу, с которой мне так трудно справиться. Я заплатила за нее такую дорогую цену, и хотелось бы думать, что это не зря. Так хотелось бы верить, чтобы русский, российский

дух в сочетании с американской свободой хоть капельку бы просветил мир, уж конечно, не переделывал бы его, уже достаточно "напеределывали". Просто хоть капельку было бы меньше бессмысленности и темноты. Не знаю даже, как точно это выразить? Одно знаю точно, что я была жутко не права, когда говорила, что "хочу поехать - хоть пожить, как человек, в Америке". Нет, это оказалось глупая идея... И живу как человек: в шикарном доме, со всеми американскими комфортабельностями: стиральными, сушильными машинами, мойками посуды, роскошными ваннами, и... мучаюсь от бессмысленности всего этого. Один наш приятель сказал, что "с жиру бешусь", дескать, "зажралась". А может быть, мне и нужно было все это заиметь, чтобы увидеть, чего все это стоит? Ничего. В прошлом году я, как ребенок, радовалась всему новому, красивому, тому, к чему, казалось, стремилась. И... вдруг я увидела, что все это - бесприютное блуждание в пустоте. Душе нужно другое. И я страдаю оттого, что ложная идея руководила мною, что я, утратив старые мифы и иллюзии, оказалась в пустоте.

Ездили мы осенью в поместье, я Вам писала, к миллионеру-собирателю русского "подпольного"

искусства. Дом - по ту сторону представлений. Я вошла и подумала, а счастлив ли его хозяин в этом дворце? Тогда еще первый раз ко мне пришла эта мысль, что "не хлебом единым жив человек..." Сейчас у меня это выкристаллизовалось. Я это выстрадала. Может, для этого я и приехала в Америку, чтобы понять это? Мудрецы это понимают сами по себе, а мне вот понадобился американский опыт. В оправдание себе могу только сказать, уж слишком плохо мы там существовали, хотя это не снимает с меня ответственности и вины. Просто я вижу, какой я слабый человек и как мне далеко до всего настоящего. Но я женщина, мать и жена, и, может, это меня оправдывает, хотя об этом думать странно.

Видите, отец Александр, я чувствую свою вину и ищу оправдания своему существованию. Мне больно. Но и там я не могла жить. У меня было мало сил, мало духовности. И я еще раз выражаю Вам своё восхищение Вашим мужеством, Вашим служением, Вашей верой и светом.

И я надеюсь, что частичку Вашего тепла я получу в Ваших письмах, хотя и само Ваше существование дает мне силы жить.

Простите меня за некоторый пафос и за все откровенности.

Я Вас обнимаю. Напишите мне.

Дина.

Вы знаете, отец Александр, я пережила то состояние, о котором пишет Муди в своей книге "Жизнь после жизни". Это было во время моих родов. Я была еле жива, и мне, чтобы облегчить мои страдания, дали веселящий газ... и вдруг моя душа отделилась, я улетела в "астрал"... Я там была не одна, рядом со мной был Яша, его душа, и я ему говорю: "Яша, я поняла из чего состоит мир! Мир состоит из точек!" - Звук летящего самолета... И я слышу, как акушерки кричат: "Дышите! Дышите!" А мне не хочется... Мне не хочется возвращаться... Опять страдать, а мне так хорошо в пространстве. Правда, света я не видела. Был только воздух, и всё ближайшее переживалось одновременно с отдалённым. Показалось, что жизнь соткана из того же материала, из которого сплетены сны, и я их не различала. И вдруг я слышу: "У нас тут рождает философ, она поняла из чего состоит мир."... Я

вернулась. Потом несколько раз во сне я просыпалась от этого жуткого звука летящего самолета... После этого состояния я не боюсь смерти, поняла наркоманов и всяческих там буддистов, которые "летают в астрал".

14/4 [1978]

Дорогая Дина!

Спасибо за теплое и откровенное письмо. В ответ напомню Вам одну вещь, о которой, по-моему, как-то писал.

Давным-давно жил на Востоке один богатый человек. Он имел всё, о чём мог мечтать иметь в то время богач. Но однажды ощутил себя нищим. Ощутил, что все это настоящая труха. И написал он горькую книгу, книгу о тщетности и суетности всех человеческих желаний. Всему дал он суровую и беспристрастную оценку. Вывод: "участь сынов человеческих и участь скотов - одна". Чтобы подчеркнуть предельный уровень своих возможностей, он писал от лица царя Соломона, которого считали самым богатым и счастливым царем древности. И подписался не своим именем, а четырьмя буквами - КХЛТ. Это слово расшифровали как "кохелет" -

"проповедник". Многие богословы, решив, что это действительно писал прославленный царь, чтити книгу, но втайне ужасались ее содержанию. Один даже приписал к ней смягчающий эпилог.

Прошло время. Иудейские богословы включили, после некоторых колебаний, книгу в Библию, а потом их примеру последовала и Церковь. В чем же дело? Зачем это меланхолическое и мрачное писание вводить в книгу надежд?

Ответ - в Вашем письме. Нужно, чтобы в какой-то момент человек взглянул спокойно на свою жизнь и увидел, что только в ней одной нет смысла. Что только, когда мы поднимаемся за пределы эмпирического, мы находим крылья. И себя. Таков смысл опыта Экклезиаста. Его рефрен: "Всё суета" - есть лишь первый шаг в открытии иного измерения жизни. А оно глядит на нас через все: через облака над головой, через глаза любимого человека, через звезды на небе. Оно как бы рассеяно, рассыпано вокруг и только

ждет, чтобы ты узнал Его. И тогда мир заговорит, и будет это уже не мир, а Высший.

И третий шаг: увидеть Его в лице Назарянина, который обращен к нам всегда. Вглядываясь в этот Лик, вслушиваясь в Его голос, мы, наконец, достигаем желанной встречи. Вернее, опознанной встречи. Он говорит в нас всегда, но голос Его очень тих. Мы сами его заглушаем своей суетой и трескотней. "Бог произносит свое слово в молчании" - гласит древняя мудрость.

Вот пока и Вам я пожелаю прислушаться к Молчанию. К тишине. Чтобы узнать этот самый родной нам голос. И тогда все, что нас окружает, обретёт иной, более полный и глубокий смысл.

Это мое Вам, Дина, пасхальное пожелание.

Поклон Яше.

Ваш о. Александр Мень.

Христос Воскрес!

Дорогие Дина, Яков и дети!

**Поздравляю вас с праздником. Пусть
будет с вами присутствие Вечноживого. Наша
жизнь - постоянное умирание. Но если мы с
ним - то мы и воскресаем.**

**Обнимаю вас,
с любовью.**

Ваш о. Александр Мень.

25 апреля 1978 г

Дорогой отец Александр!

В те дни, когда я Вам писала своё "внеочередное" письмо, я думала, что пришёл конец - мир распадался, был ватным и пустым. Мои страдания были просто нечеловеческими, и никакие прежние переживания не могли сравниться с тем состоянием, которое было у меня этой зимой. Это не депрессия, это ниже, просто распад, где-то на пределе человеческой психики. "Через горнило страданий" прошла вера Достоевского и моя тоже (теперь мне только осталось написать "Братьев Карамазовых").

И вдруг на исходе марта я проснулась утром, и всё осветилось, и я увидела свет внутри себя. В тот день была плохая погода, но во мне было светящееся тепло. И всё обрело смысл. Я поверила в Мировой дух. Многие ещё совсем не понимаю: обряды, службы, церковь, но Высший Сам уже со мной.

Вспоминая свои зимние страдания, я леденею: так люди сходят с ума или кончают с собой. Или?

Я долго думала, что люди верят, чтобы совсем быть не похожими на зверей, что религия - это моральное учение (я-то, дескать, и так хорошая, а вот другие пусть верят, чтобы достигнуть моего совершенства) Однако всё моё "совершенство" куда-то делось в эту зиму, и вокруг меня в эти чёрные блаксбургские дни был только распадающийся кошмар, превративший моё "совершенство" в пустоту. Встреча с пустотой была неприятная.

И вот произошло это чудо! И опротивевший мир и человек вдруг стали иными. Я ведь пыталась найти причину своему страданию вовне - в плохой погоде, в Америке, в американском человеке, в отсутствии поблизости друзей и т.д. Без языка лишилась последнего удовольствия. Всё сваливала на обстоятельства.

А как радовались мои американские знакомые моему новому состоянию! Поздравляли. Я и людей-то увидела впервые, они, оказывается, точно такие же, как и я. Ведь они-то понимали существование того, чего я не представляла. И это тот же самый "опротивевший мне полиэтиленовый американский человек." Теперь только как сохранить в себе веру, как сохранить любовь? Опять уже шучу, что я и в

тюрьме бы теперь выжила, раз уж в Америке выживаю.

Я много читаю... Книга Франка⁸ "Смысл жизни" пришлась по душе. Люблю Николая Бердяева⁹, всё его читаю с удовольствием.

Яша вернулся из Сан-Луиса весёлый, успешный, а мне уже его результаты не были так важны, как мои. Я бросилась к нему и сказала: "Яша! Мне открылась тайна! Я поверила в смысл жизни!" Яша сиял.

В Сан-Луисе зав. кафедрой наобещал Яше слишком многое, переобещал и даже заверил, что он, дескать думает, что не будет препятствий со стороны дина (проректора). А они-то как раз и появились, у проректора возникли сомнения, что, мол, Яша без роду, без племени и сразу полный профессор, и он снял эту позицию. Они не взяли ни Яшу и никого другого. Мы немного попереживали, хотя уже знали, что в Америке пока не получишь письменного предложения - не обольщайся! После этого разочарования через неделю Яша поехал с нефтяным докладом в Оклахома-Сити, где имел бурный успех - все "акулы нефтяного империализма" приглашают его на интервью. И сама "Эксон", которая в прошлом году нам не давала карточку на бензин, вдруг чуть ли

не в начальники Яшу зовёт. Весь этот месяц Яша будет в разъездах, поедет в Чикаго, Денвер, Нью-Йорк, Хьюстон. Мы теперь будем выбирать. Дожили. Хотя из Гарварда и Бёркли ещё не бегают за Яшей, но фирмы уже проявляют интерес. А до этого лавина отказов сыпалась со всех сторон, потому как никто не видел, не слышал Яшиних проникновений. У Яши-то нефть поёт! Я Вам писала, что я не люблю заниматься геологической наукой как таковой, вся моя учёность советская, показушная, но даже меня Яшины исследования заинтересовали, из них ушла скука, у него всё живёт - камни, земные слои. Он думает, что в ритмах геологических пород заложена музыка, и он хочет расшифровать её.

Выбор места дальнейшей Яшиной работы предстоит трудный. "Продать себя" корпорациям за золотые горы? Не пропадёт ли он как учёный? И что мне теперь "золотые горы"? Разве что для того, чтобы помогать людям? Или прислать Вам крокодила? (Как раз его-то Вам и не хватает!) Одним словом, мы не знаем, где мы окажемся, и что, и кто нас привлечёт? Меня, конечно, тянет в Нью-Йорк - поближе к центру мира, но всё зависит от работы.

А вокруг полная весна. Студенты в шортах и даже без валяются на лугу, на траве, загорают. Некоторые швыряют друг другу в руки полиэтиленовые тарелки, такая бессмысленная игра, несколько отличающаяся от "игры в бисер", которую мало кто знает. Вокруг "нашего" дома выросли цветы, расцвели медно-красные тюльпаны, фиалки и жёлтые американские крокусы. Наш участок зарос сорняками, и трава стала выводиться, я смеюсь, что у нас коммунизм. Приедем из Вашингтона и займёмся садом, так как стыдно "сдавать" после себя такой социалистический бурьян. Соседи день и ночь возятся на своих "бэк ярдах", сажают, стригут, приласкивают - капиталисты, а мы всё запустили - духовные искатели.

Едем в Вашингтон на Пасху. В Блэксбурге есть 23 церкви разных направлений и оттенков. В Роноке, в часе езды отсюда, есть русская православная церковь, но она зарубежная и враждует с автокефальной. Тутошние наши знакомые православные иногда туда ездят. Яша тоже один раз ездил, но ему не понравилось, я не так хорошо поняла почему, из-за каких-то разногласий и непризнаний другой церкви, но я поняла, что русские не такие терпимые и не такие толерантные, как

американцы. И как написал нам наш американский друг Джон Кохан, журналист из Time, "у русских никогда не будет демократии", после того как он посетил в Нью-Йорке собрание русской публики, журналистов, писателей. Он так точно и грустно описал наше неуважение друг к другу.

Я буду впервые в Церкви как человек присутствовать, а не как зритель. Я вот только волнуюсь, вдруг я не крещённая, меня бабушка тайно в детстве крестила, но точно не знаю. Я всё время думала, что я крещённая, так мне мои тётки говорили, когда я у них в Подъёлках жила. Но теперь я стала волноваться, а вдруг нет? Как мне быть?

Этим летом хотим поехать в Европу и в Израиль, правда, пока не вижу, на какие деньги? Нам в этом году вернули 800 долларов, переплаченных налогов, в прошлом году Яша обращался в специальную фирму, чтобы заполнить наш отчёт, и мы остались должны, а в этом году он составил его сам, естественно, сделал всё поумнее, и нам даже денюжку вернули. В налоговую игру играют все с увлечением, оживает человек, преображается, на лице появляется счастье, если спросить его о налогах, как и что "списать". Вот и мы тоже втянулись в зелёную стихию долларов и барахтаемся в этом

океане зелёности, не умея ни плавать ни дышать. Воспитанным на презрении к людям, делающим деньги, как понять, что рисовать картины и делать деньги - одно и то же искусство? Деньги-налоги-деньги... в этом искусстве нет никого равного американцам. А мы со своими картинами тащимся голые и босые к вершинам захвата духовных постов, расталкивая друг друга.

Посылаю Вам элемент фотографий, все снимают только физиономии, и выбрать нечего. Может, заняться фотографией? Делать смешные, жанровые.

Поздравляю Вас с Пасхой. С Воскресеньем Христовым! Я ещё не знаю как правильно это делать? Ваши пасхальные пожелания пришли вовремя. Спасибо Вам. Жду Ваших писем, как воздуха.

Я Вас обнимаю.

Всегда Ваша

Дина.

15.5 [1978]

Дорогая Дина!

То, что произошло с Вами, называется вторым рождением. Вы сами знаете, что шли к нему давно, и то мучительное состояние, которое ему предшествовало, - есть усилия птицы, проклевывающейся из яйца. Собственно говоря, Вы, наконец, вернулись к себе, соприкоснулись со своим глубинным "Я", которое только и может воспринимать веяние Духа.

Все живые существа стремятся лишь к тому, что свойственно их природе, а нам всем присуща возможность (и необходимость) связи с Божественным. Без этого мы недовершенные, несостоявшиеся. Еще раз напомню Вам замечательные слова Августина: "Ты создал

нас для себя, и мятется сердце наше, пока не успокоится в Тебе".

То, что в наши дни во всем мире вера снята со знамен цивилизации, - великое благо, дар Божий, освобождение. Бог - это свобода. Он чужд навязыванию. И если люди в прошлом пытались это делать за Него, они шли против Его воли. Теперь же голос Его, "голос Безмолвия", может зазвучать свободно, не заглушаемый ничем внешним. В уединении дома, в грохоте большого города, в суетной толпе - словом, где угодно. И лишь потому, что мы находим Его сами, "один на один". Встреча с ним - самое интимное из всего на свете. И только после того, как звезда вспыхнет внутри, ее свет выносятся во вне. Тогда ее сила - это любовь.

В книге Муди, которую прислал Яков, большинство реанимированных пришло к выводу, что познание и любовь - главное в жизни.

Пусть Вас не смущает, что многое еще неясно. Все формы и методы духовной жизни есть средства к ее укреплению. Человек все "культивирует", то есть для всего употребляет усилия, "искусство", волю к возвращению. Мало быть гением - нужно трудолюбие, мало любить близкого человека - нужно учиться общению с ним. Так и наша жизнь перед Богом после первого "открытия" и первого потока благодатной силы требует труда. В старину его делили на три аспекта: "молитву, милостыню, пост". Т.е. на общение с Богом, с людьми и работу над самим собой.

Скажу два слова о первой стороне.

Вам, наверное, кажется сейчас странным, что люди, молясь, произносят чужие слова, которые написаны давно. Но это еще не молитва, а "молитвословие", это своего рода трамплин для полета собственного духа ("взлетная полоса"). Так и Пушкин, прежде чем стал писать свои стихи, любил и читал чужие.

И другое. Произнося те слова, которые произносят сотни других, мы мысленно, внутренне находимся с ними в одном потоке.

Из фраз молитвословия рождается беседа с Богом своими словами. Но здесь возникают первые помехи: рассеянность, отвлеченность внешним, неумение собрать дух в одном.

Для борьбы с этим есть несколько методов. В частности - медитация. Она сводится к тому, что Вы берете какую-нибудь короткую фразу (Благодарю тебя за все, Да будет воля Твоя, Ты во всем и во мне, я живу перед Тобой) и весь день в момент тишины сосредотачиваетесь на ней. И пять минут в день нужно погрузиться в эту фразу, изгнав все остальное. Это страшно трудно, поскольку мысли у нас бегут, как стадо баранов. Но через месяц упражнений появляются первые успехи. Перед этими пятью минутами "внутреннего покоя" вы стараетесь прислушаться к тишине, впитывать ее в себя, улавливать ее полноту и насыщенность.

Остальное я напишу Вам потом. Относительно же действия, то я писал об этом в книге "Небо на земле", которую Вы, наверное, можете достать.

Я очень рад за Вас. Я ведь чувствовал, что Ваша веселость прикрывает кризис, и верил, что он к добру. Спасибо большое за фото. Мне легче молиться за тех, чье лицо вижу перед глазами. Фото хорошее. Вы на нем действительно очень мило вышли. Не знаю - виною ли тут харчи американские, но результат "на лицо". Вы ведь новорожденная и должны молодеть. Не только духом.

Надеюсь, что Ваше окончательное устройство близко, и Вам выпадет хороший город.

Пусть Яков их расшевелит, эмпириков, пусть послушают, до чего наш человек может додуматься без всякого амери-канского образа жизни. Да и практики, наверное, интересуются не зря. Кажется, все ищут откуда она, нефть, берется и возобновляется ли...

Еще раз спасибо за Флоренского.

Как у Вас с английским? Если хорошо - было бы неплохо (я уж писал) раздобыть книги Антония Блюма (их четыре или пять). Они Вам сейчас будут как хлеб насущный.

Обнимаю Вас всех.

С любовью.

Ваш о. Александр Мень.

П.С. Относительно Вашего крещения.

У нас существует такая практика: в подобных случаях его повторяют и в момент таинства священник только добавляет "еще не крещен" (т.е. если не крещен). Об этом можете сказать священнику. Кого Вам порекомендовать - не знаю. Знаю, впрочем,

одного очень хорошего в Нью-йоркской св. Владимирской семинарии: о. Иоанна Мейендорфа. И много хорошего слышал об о. Кирилле Фотиеве (он, кажется, тоже в Н. Й. живет). Если найдете о. И. Мейендорфа, передайте от меня привет. Он познакомит Вас с моим бывшим прихожанином дьяконом Михаилом Меерсоном (если Вы его не знаете).

7 июня 1978

Дорогой отец Александр!

Каждое Ваше письмо как подарок и поддержка меня в этой американской жизни. Этот месяц был ненормальный (месяц не может быть ненормальный, только люди бывают такими) - мы выбирали между четырьмя предложениями, каждое из которых было роскошным. Свобода себя оказывает, и под её стопудовой тяжестью я еле-еле дышу и если улыбаюсь, то сквозь слёзы свободы. Такой напряжённый выбор, такая непосильная свобода. Если туда, то - то, а если сюда, то - это. Американские люди смеялись над нами, считая что у нас нет выбора, так как ничто, по их мнению, не может сравниться с предложением "Эксона" - работать в их научно-исследовательском центре в Хьюстоне. В конце концов мы и выбрали "Эксон", отказавшись от профессорских мест в Чикаго, в

Ламонте и Денвере. Почему? Яша считает, что у него в руках будет вся информация о распределении нефти по миру. "Эксон" предложил фантастические условия - 36 тысяч плюс бесконечные возможности: несколько сотрудников для Яши будут, чистить перья, затачивать карандаши, не говоря уже о всяких многочисленных льготах. Говорят, что после работы в "Эксоне" любой университет откроет двери.

Итак, мы едем в Хьюстон 28 августа, а сейчас едем путешествовать по миру, 6 июля летим в Нью-Йорк, из Нью-Йорка в Израиль к Яшиным родителям на три недели, потом в Рим, потом в Париж. Вот такое путешествие Яша организовал.

И только стыдно сказать, как я плакала, когда мы получили официальные бумаги из "Эксона". Почему это не в России? Почему и за что? Почему в России был момент, когда Яшу буровиком нигде не брали, "к равнодушной отчизне прижимаюсь щекой", а вот цитадель империалистическая ухватила и предоставила такие возможности. Конечно, это лучшее место для развития Яшиных идей о нефти, о происхождении жизни, о мире. Спасибо Богу за всё!

И только глубоко под сердцем больно, как нахлынет о России, о коммунальных квартирах, о нищете, убогости, об оставленных родителях и

друзьях... Условия, в которых мы там жили, так унижительны, что и личности не образоваться, я говорю о себе, мне никогда было бы не добраться до своей значимости, везде тебя шпыняют, втоптывают, "я - последняя буква в алфавите", и высшая ценность личности там никогда не признавалась. Мой коллективный миф тут разрушается, всё закручивается, и как... всё осознать? Тут освобождаешься от злобной каждодневной суеты, и открывается другое самоощущение себя. Смеюсь, может, потому, что тут так комфортно и кошки с телефонами в автомобилях ездят?

Только бы не потеряться бы в этом мире среди кошек и собак с телефонами.

Сейчас мы собираемся, вернее, готовимся к сборам, потому что все наши вещи будут паковать работники перевозной фирмы "Мэйфлауэр", а мы только распределяем. Они запакуют в пакеты, соберут всё наше хозяйство, с нью-йоркских помоек набранное, кроме кроватей, которые потом тоже присоединятся к нашему багажу, и это всё само по себе поедет в Хьюстон и будет там нас ждать. Единственные ценности - это Яшины картины и книги, а всё остальное безразличное, простые необходимости.

С Мишей Меерсон-Аксеновым¹⁰ мы познакомились в прошлом году и подружились, Яша даже был у него на свадьбе. Они обещали к нам приехать, но что-то не выбрали. Отца Кирилла Фотиева¹⁰ мы тоже знаем. Он человек интересный, но очень, думаю, несчастный, общение с ним меня несколько тяготит.

Будучи в Нью-Йорке, постараемся зайти на службу в Крествуд. Один раз я там была, служил отец Александр Шмеман, было торжественно и эффектно. Я смотрела как зритель, может быть, сейчас я побуду по правде? Мне так трудно верить особенно в обряды, в литургии, я какая-то ироничная, всё кажется, что люди притворяются и обнажаются. Яша говорит, что тем кто не верит, так всегда кажется. Я не могу уверовать в Церковь. Да простит меня Господь! Мне в церкви стыдно, и я никак не могу понять почему? То ли за себя, то ли за других? Стою сама перед собой, перед своим собственным существованием отчуждённо, и удивляюсь, и поражаюсь. Не исключая, что я ещё не совсем умная, и бесы меня захватывают, потому как много умных и творческих людей были верующими.

Но сейчас я стараюсь внутренне углубляться, услышать в себе Божественный голос. Делаю Вашу

медитацию каждый день. Напишите мне что-нибудь про веру и неверие. Не сердитесь на мою религиозную наивность.

Письмо моё получилось глупым, но я надеюсь, что это временное поглупение, переходное состояние.

Хорошо бы встретиться с Вами в Иерусалиме.

Я Вас обнимаю.

Дина.

[июль 1978]

Дорогая Дина!

Как я рад, что Яша устроился постоянно и - так неплохо.

Конечно, придется работать основательно, но в конце концов останется время и для обобщений. Мне всегда хотелось, чтобы он довел до конца идеи, развитые им в той брошюре¹¹, изданной несколько лет назад.

А перед Вами... сейчас будет все мелькать и проноситься. Уляжется, наверное, только после возвращения. Человек-путешественник похож на корову, которая набирает на поле траву, а потом в хлеву переваривает.

Хотел Вам сказать одну важную вещь. (Может быть, уже говорил, не помню). На иврите слово вера (эмуна) происходит от

корня, который тесно связан с идеей верности, твердости. Антиподом ее является не неверие, а неверность. Это очень точно. Верность Богу есть одновременно верность людям, верность себе, как говорят заумные люди, - самоидентичность, самотождество. Врагом же является утрата этой верности под влиянием вихрей, которые веют над нами и вокруг нас. Это позвоночный столб духа. Где бы Вы ни были и что бы Вы ни делали - важно сохранять внутреннюю цитадель, в которой царит покой, где душа с доверием и надеждой смотрит в небо.

Все проходит, а это остается. Уносятся лица, города, мнения, теории, события - в глубине же: душа перед Вечным, перед Богом. И тогда начинаешь понимать, что от нас чего-то ждут, что мы родились зачем-то. Что призваны что-то принести в мир.

Мое письмо, наверное, застанет Вас в Тель-Авиве.

Желаю Вам хорошо провести эти дни на древней земле, с которой связано столько воспоминаний и которая теперь в стольких обуреваниях внутри и снаружи.

Может быть, и мне когда-нибудь удастся побывать там. У нас ездят иногда паломники. Но шансов мало попасть в их число. Вообще же я не испытываю потребности к путешествиям. В юности я много ездил всюду. И уже тогда пришел к выводу, к которому пришли Вы. Всюду одно и то же. Нужно можно найти рядом. Вот и живу отшельником в своей усадьбе, все отдавая работе. А то жалко времени. Чувствую ответственность за каждый потерянный день и час.

Итак, мысленно, молитвенно и сердечно путешествую с Вами.

Ваш о. Александр Мень.

[сентябрь 1978]

Дорогой отец Александр!

Пишу Вам из Хьюстона, который ещё не совсем разглядела. Из Иерусалима мы Вам послали небольшой, наверно, затерявшийся, привет.

Из Блэкбурга мы ехали три дня и три ночи, и довольно неинтересно: заправки, мотели, детская возня. Мы даже этот город чуть не проехали, только дорожное объявление предупредило нас, что мы уже в Хьюстоне, хотя вид из окон ничем не подтверждал въезда, стало, пожалуй, ещё пустынной. Но через секунды началось такое столпотворение: в нашу дорогу стали вливаться дороги, дорожки, развиваться, убегать, исчезать. Дорожный водопад. Никаких напоминаний о привычных городах. Сплошные круги и полукружья дорог. Где город? Где люди? Только созвездие небоскрёбностей возникло на горизонте. Там и была наша гостиница.

И там же среди этих параллелепипедов, кубов, квадратов, трапеций со срезанными и приплюснутыми крышами белела верхушка одной маленькой часовенки, блестела и искрилась среди небоскрёбов. Туда через неделю мы всей семьёй пришли, оказалось, что там и проводится православная служба. Яше там понравилось, и он хочет туда ходить.

Мы сняли дом более или менее приличный, я сижу и разбираю приехавший багаж, дети пошли в школу, Яша на работе.

Я Вам кратко опишу наше летнее путешествие.

Как только хлопнулись за нами двери авиалинии "Эл Аль", мы сразу оказались в родной стихии гама, шума и неразберихи. "Вот мы и дома! - говорит Яша, - будто никуда не уезжали." (Это на территории Нью-йоркского аэропорта.) Все толкаются, орут, лезут без очереди. Первые израильские впечатления. Наш самолёт долго стоит в очереди на взлёт, и когда подходит очередь нашего самолёта, то у религиозных евреев подходит время вечерней молитвы. Они как все бухнутся в проходы... и на колени. Стюардессы принялись призывать всех сесть на места. Никто и ухом не ведёт. Они молятся. Стюардессы передают приказ

командира: немедленно сесть на свои места и пристегнуться! Никакого повиновения. Тут выходит сам командир корабля с увещеваниями, сначала нормальными...- всё то же самое, никто не поднимается - тогда он, чуть подождав и посмотрев на полное пренебрежение к его словам, злобно произносит: "всё равно будем взлетать, даже если вы себе разобьёте лбы!" Через несколько минут самолёт резко начал подниматься. Я подумала, не шваркнется ли он от накала страстей? Это было первое знакомство с взаимоотношениями в Израиле между религиозными и нерелигиозными людьми. Когда же объявили: "Начинается посадка в Лоте, приземляемся на Святую землю!", тут все захлопали, запели и религиозные и нерелигиозные... "Шолом-Алейхем! Шалом... Шалом..." Стали хлопать в ладоши, радоваться. Самолёт стало качать от всеобщего вдохновения. Затем, при прохождении таможни, вижу, проходит единение: всех религиозных к парапету на досмотры, и только их чемоданы "шмонают", а остальные, в том числе и мы, спокойно проходят. Совместное пение закончилось. Почему? Оказывается, служащие фирмы "Эл Аль" ненавидят религиозных за препятствия, которые те чинят им, не разрешая летать по субботам, а

"суббота" начинается в пятницу, а время-то по всему глобусу разное, и во всём мире почти всегда суббота или пятница.

На фиолетовых холмах Святой земли много интересных взаимоотношений, всё требует отдельных рассказов. Почти все бывшие наши ненавидят "проехавших мимо" - это нас. Один молодой солдат из Грузии вышел из нашей машины - "с выходом", когда узнал, что рядом с ним сидят "проехавшие". Нас возил по Израилю один бывший кишиневский геолог, который ездил на "бобике" по скважинам, которые разыскивают пресную воду, и прихватил нас, чтобы мы посмотрели первозданные красоты Святой земли. Были в Синайской пустыне, где горы из песка, будто в платьях. Послушали шорохи пустыни. Удивились геологическому чуду - линзе пресной воды, лежащей на Мёртвом море. А в том месте, где провалились Содом и Гоморра, увидели настоящий новейший тектонический разлом. Видели жену Лота, превратившуюся в Соляной столб. Когда подъезжали к Иерусалиму со стороны Иордании, куда завёз нас этот геолог, (израильтяне на территории Иордании тоже ищут воду, этот заезд я Вам отдельно опишу), был закат, и представившийся Иерусалим пылал альпийским

сиянием. Солнце освещало дома, стены, храмы, церкви, мечети, все стены строений из лунного туфа светились пурпурным светом. (Из израильского вулканического туфа даже современные строения неземной красоты.) Невидимые лучи разливались по всему Иерусалиму, и было всеобщее свечение. Это было символично. "Бог един".

После первозданных красот Израиля померк Рим, окаменел, даже Колизей показался меньше. Нас об этом предупреждали: "После фиолетовых холмов и синего воздуха Святой земли вам весь мир покажется провинцией". Но мы не поверили, пока сами не убедились. В Риме были совсем недолго. Яша хотел повидать своего старинного друга художника Мишу Кулакова¹². Потом мы на поезде поехали во Францию.

В Париже нас встретил Володя Марамзин¹³ в сером "Мерседесе" и крепдешиновой рубашке. Яша тщательно скрывал, что у него туфли за три доллара, а то бы совсем нас Володя презирал. Я старалась приодеться тоже в крепдешин, и "сам" одобрил мои наряды, хотя я тоже утаивала, что и почём купила. Но мы все равно опозорились - купили еду в обычном супермаркете и пришли с ней к Володе. Он к еде не притронулся - брезговал, мол, у вас в

Америке есть не умеют (!), едят все подряд, а мы всё только в деликатесных магазинах покупаем. Наташа Горбаневская¹⁴ обозвала наше вино "клошарным", (но она мне понравилась, мы у неё жили, это я так пишу для описания парижского "завышения" над американскими "рэднеками")

Опозоренные мы сидели, и пришлось идти в ресторан.

Вот как тлетворно влияет Запад: там были стихи, литература, загадочность, а тут - еда, одежда, "Мерседесы". "Два мира - два Шапиро." А еще указываем: "Запад нас не понимает!", - кричит во всю другой Володя - Максимов¹⁵. А что понимать-то, если объяснить никто ничего не может. И посмотреть-то на нас со стороны противно. Тот с тем не разговаривает, этот того видеть не хочет, какие-то кланы, ненависть, и в простоте друг другу слова никто не скажет.

А критика до вас доходит? Уму непостижимо, как оскорбляют друг друга и всё как-то по мелкому, Максимов (Яша к нему хорошо относится) совсем потерял вкус - хоть бы кто сказал ему, разве можно так писать про Копелева¹⁶: "Вам бы мои грехи!" Кто знает, у кого их больше, и кто возьмет на себя право такой бросить вызов?! Ну, разве можно сказать, что

умный? И в его партийный журнал свое бесценное творение не дам. И ведь он как бы христианин. Я расстроилась его последней критикой.

А ещё я вам расскажу про обед, который давал в замке-музее Монжероне в изгнание - "Освенциме для картин" - господин директор музея Саша Глезер¹⁷. Сначала мы пошли на экскурсию по замку, посмотреть на картины, подаренные художниками Глезеру для экспозиции, и разыскать творения, которые Яша дал господину директору для переправки на запад, потому как последний был связан с разными дипломатическими каналами. Хорошо, что кроме кошки, которую привезли в музей для поедания мышей, нас никто не сопровождал и не слышал Яшиных комментариев. Картины были навалены кучами, кто-то приходил своё вытаскивал, разгребал, отбрасывая чужие мордами на пол. Ходили по картинам сапогами и тоненькими каблучками, оставляя следы. Давно стены замка не видели нашествия варваров из коммунистических стран. Разве Западу нас понять? Наши портреты, которые я очень люблю, рисованные Мишей Кулаковым, мы извлекли из общей наваленной кучи со шрамами насилия и по частям, радовались, что мой нос обнаружился! (Фима, тутошний художник-

мастер, и Яша, возможно, их вылечат, реставрируют). Представляете, с каким мы чувством присутствовали на обеде.

На этот обед были приглашены разные художники, как бы элита писательско-художественная, в изгнание находящаяся. Салтыков-Щедрин только способен описать этот ужин. Максимов сидел в центре стола, как секретарь парторганизации, и смотрел, кто кого переплюнет в подхалимстве. Первым начал Глезер:

- У тебя много врагов, Володя, и это замечательно! И это великолепно! Много врагов - это значит настоящий человек! Выпьем, чтобы врагов у тебя было ещё больше.!

Дальше пошла томным голосом с придыханием говорить одна актриса, жена знаменитого художника.

- Мы читали и плакали... Мы читали и плакали...

И заплакала. (Это она имела в виду, что творенья Максимова ее так растрогали). Потом ещё разные подхалимы стали бормотать свои дурацкие тосты. И я тоже чуть не плакала - стыдно было глаза поднять. В конце тостов Глезер забрался на "белый танк" и поехал в Москву уничтожать "Руси на славу" коммунистических людей. Это у него такая песня -

глаза выпучил и поет, и радуется. Тут уж ему не попадайся - сожжёт всех подряд за либерализм, за хорошее отношение к картинам! Либерализм слово теперь ругательное. Все помнят слова вождя - "добреньким быть нельзя в наше время", и нам это хорошо в голову вбили. И везем мы с собой эту истину, и стыдно, что в нас так мало великодушия, доброты, и как далеки мы от христианства.

Собор на Рю Дарю в Париже - это антирелигиозное собрание - престижно туда ходить, и наши тоже регулярно посещают, чтобы не упрекнули кого-нибудь в отсутствии. Я совсем ничего не понимаю в правильности или неправильности литургии, но чувствую, что там есть неправда. И разве можно сравнить это с тутошной литургией в маленькой церкви среди небоскрёбов. Мы уже ходили туда и познакомились со священником, его зовут отец Джордж. Никто не смотрит, как и что другой человек делает. Кажется, до меня дошла наконец-то (!) другая истина - думай о себе в сознании, тогда и другим хорошо будет. В Париже на литургии мне одна тетка сразу замечание сделала, что-то там я не так, по ее мнению, выполняю - просто как у себя дома. Удивительная русская черта - до всего не своего есть дело. Сама себя

ловлю часто на этом. Так и тянет совет какой-нибудь дать, когда совершенно тебя не спрашивают.

Однажды был такой эпизод. На "русский ланч" в Блэксбурге собрались американцы, любившие поговорить по-русски. Сидим и разговариваем. Милая моя приятельница Донна, профессор политики, арабско-ливанского происхождения, пришла в темных очках. Мне просто не может быть, так и хочу ей сказать: "Донна, снимите очки". Еле-еле сдерживаюсь. Все остальные никакого внимания. Где-то в середине ланча приходит моя бывшая советская подружка¹⁸ и сразу же мне шепчет: "Дина, скажи Донне, чтобы она очки сняла, ей это так не идет!" Все сидящие американцы просто не замечают этого, и только нам двоим есть дело. И так во всем. Это что? Я вышла и думаю: такой маленький-маленький эпизод, но почему нам есть дело, а американцам нет? То ли это вежливость, то ли это равнодушие? Или это просто нормальное человеческое поведение - не лезть не в свои дела. Ой, как это трудно нам, воспитанным в коммунальных квартирах! Зудит все время: что делает сосед и не сдохла ли у него корова? И чтобы все думали, как я.

А мне действительно хочется, чтобы все любили Америку, как люблю ее я. Комсомольская любовь на склоне лет.

Я много думаю о Вас. И всегда прошу Вашего благословения.

Дина.

Янв. 26, 1979.

Дорогая Дина!

Взаимно поздравляю Вас с праздником.

Великий германский мистик Мейстер Экхарт писал, что каждое Рождество Христос как бы рождается в нашем сердце. Событие прошлого становится вечным актом встречи и света: "светящего во тьме" (как младенец в яслях Вифлеема).

Письмо я Вам послал, но оно, вероятно, застряло или потерялось из-за дальности расстояния. Ваше последнее было - предварительный итог поездки "вокруг света".

Напишите, как Вы? Отошли от впечатлений? Как Ваши дела и обстоятельства?

Сопереживаю с Вами и радуюсь тайне, которая в Вас совершается. Маленький храм среди небоскребов - это символично. Так незаметно входит Царство Божие в мир и так "инкогнито" в нем присутствует.

Желаю Вам всего светлого в новом году.

Ваш о. Александр Мень.

[1979]

Дорогой отец Александр!

Здравствуйте!

Что-то исчезли Вы в туманной российской дали, и нет от Вас никаких известий, а хочется их получить.

Тем временем в нашей жизни произошло несколько чудес. Одно из которых я называю "чудом века" - меня взяли на работу в научно-исследовательский центр фирмы "Эксон", под плавничок Акулы, в тот же самый отдел, где работает Яша. Такого еще не было со дня основания этой "акулы империализма", чтобы жена тут вместе с мужем. Как это случилось? Очень умный Яша составил мое резюме так, что в мире нет специалиста лучше Диночки. Ведь я компьютер видела (!) и имею кое-какие представления о географии (что тут очень важно, так как оказалось, что этот предмет начисто тут отсутствует) и о геологии (смутные). Одним

словом, мировая "акула империализма" нарушила свою традицию и приняла меня в своё буржуазное логово. Как оно выглядит?

Современное здание, открываешь дверь своей фотографией, влитой в кусок пластика, и... входящего в здание встречает хорошенькая мексиканка с чашкой кофе вместо человека с ружьем. Поутру люди не успевают заглотнуть дома, и их таким образом встречают на работе. Дальше коридор, где полы, как зеркала, - идёшь и отражаешься, и можешь любоваться своим отражением. Все блестит. "Дали" мне отдельный кабинет с двумя столами, вертящимся стулом, телефоном, правда, без фонтана... Взяли меня чем-то вроде подмастерья - носить папку за Яшиным вице-президентом с нефтяными полями и вводить их в компьютер. В один из первых дней начальник меня повёл в комнату, которую я назвала "коммунистической", где стояли огромные полки с разным невероятным бардаком: бумага всех видов и всякого совершенства, тетради, папки, карандаши, авторучки разного вида, салфетки, часы, лампы, всякая всячина, бери всё сколько хочешь и носи куда хочешь. Во мне сразу же проснулись все воровские советские наклонности, глаза разбежались... В

комнате никого не было, начальник ушёл. Я два часа всё разглядывала и всему удивлялась. Но почему-то я взяла только то, что мне действительно было нужно для работы. Меня это так поразило, что, вернувшись, я сказала об этом Яше: "Почему-то я ничего не могла там украсть, сама удивляюсь? Казалось бы, советское воспитание?" "Много тебе платят", - ответил мне Яша.

И на работу не опаздывает никто, хотя никто не следит, не подглядывает, не подслушивает. Это так странно простому бывшему сотруднику Ленинградского университета, который все норовил смыться побыстрее, побездельничать, что тут без палки и без кнута работает народ. Правда, за пряники. Не знала я за собой такой прыти - любви к работе, но оказалось, что есть во мне это качество, загнанное Ленинградским университетом куда-то в бессознательное. Хорошо "акула" своим людям платит и приманивает, такие "бенефиты"-приманки, что человек не в силах уйти в другое место. В течение дня кофеечек с колокольчиком развозят... А разные машины, которые размножают, увеличивают, уменьшают, запоминают, рисуют, читают, печатают... Как в кино про Америку. Я все сижу и думаю: "Я это или не я?" И ведь по-английски-то

бормочу с ошибками, а такой успех у меня произошел. Конечно, это все Яша. В отличие от многих институтов и университетов российских, куда его на пушечный выстрел не подпускали, тут он пользуется большим спросом и надеждами. Народ кругом улыбается, и начальники тоже не стесняются. Как было скучно без американских улыбок в Израиле! Мы загрустили... и пошли в Иерусалиме "отдохнуть в Америку" в отель "Хилтон".

И еще одно чудо произошло: Яшины бессмертные "творенья" взялась продавать лучшая галеристка города Хьюстона, и теперь они висят в самом центре Хьюстона... Вот так вот обернулись наши дела.

Но особенно преуспел наш младший сын Данилка, шести лет, который начал продавать мышей по 30 центов за штуку. Я думаю, что скоро он и тараканов начнет сбывать. Будущий Арманд Хамер. Постепенно втёрся к старшему Илюше в комнату, который по простоте душевной Даничку к себе пригласил, кажется, что теперь Илюшу он выселит, во всяком случае, Илюша и вся семья у него "на посылках". Очаровательно улыбается и все гребет себе... Способный, ловкий, хваткий... но без глубины Илюшиного "Я". Как Америка. А старший

все страдает и страдает. Сейчас мучается вопросами Свободы после Смерти... задает такие вопросы, что только Яша ему и может ответить, мне уже не под силу. Как Россия.

Вот такими вот полярными, но очень интересными детьми наградил нас Бог. Спасибо ему за все!

И только где-то глубоко-глубоко под сердцем ряд вопросов. Почему и за что? Почему это все здесь? Иногда я останавливаюсь на таком дурацком ответе: может, коммунальность и личная безответственность свойство нашего российского характера? Ведь если послушать и поглядеть, что тут наши бывшие борцы и писатели болтают, то про нас хорошо не подумаешь - во всех суждениях такая полуварварская самоуверенность. Всё стремятся унижить без всякого интереса для себя и без элементарного вкуса. Всё то же самое, только наоборот. Разбегаемся назад. Такая беспощадность к свободе. И учат, и учат Запад, как жить, нет, чтобы тут чему-то поучиться. Хорошо, что "наши" тут не управляют, а то бы весь мир превратился в коммунальную квартиру. И мне становится больно и обидно. Неужели мы достойны только этого? И

неужели мы никогда не снимем утюг с головы? Не очистимся?

Вы-то хоть чего-нибудь напишите на наш "Континент"? Может, хоть Вас кто послушает? Немножко в себя поглядят?

Отец Александр, здесь с людьми происходят странности, одни Западу нотации читают, а другие, такие тоже часто попадают, особенно среди так называемых "итеэров"- инженеров... "Я с эмигрантами - не общаюсь!". Это тоже модная тема. Раздувание собственного величия идет снизу доверху. Некоторые, прямо того гляди, лопнут от собственного преувеличения.

И как же мы рады были повидать Анри Волохонского¹⁹, такого свободного, такого блистательного, что хохотала я с ним без передыха два дня. Нет-нет, да кто-нибудь и попадетя! Тут у нас невядалеке тот "голенький" Кузьминский живет, о котором я Вам уже писала, что он любит заложить за воротник и поискать истину в вине. Когда Костя не пьяный, то мне он нравится, хотя это с ним редко бывает, однако последнее время всё чаще и чаще, так как он начал собирать Антологию русской поэзии, и ему выпивать некогда.

А в Хьюстоне уже почти весна, и зимы-то не было, времена года определяются тут из названий месяцев. Зимой только исчезла жара, но шубу не удалось ни разу надеть, что печально с той стороны, что её некому было показать, а с другой, даже если наденешь, то - не покажешь - никто твоей шубы не заметит, кроме разве что защитников животных.

Напишите.

Обнимаю Вас.

Дина.

[1979]

Дорогая Дина!

Простите, что долго не писал. Был очень загружен по службе и похоронил маму. Ее очень трогательно провожали мои прихожане, которые все ее любили.

А Вы, наконец-то, включились в буржуазно-трудовую деятельность, да еще на "родственных" основаниях. Поистине чудеса! Как и судьба Яшиных картин...

Как я понял из Вашего письма, в Ваших ребятах поляризовались русское и американское начала. Но на самом деле все впереди. Многие странные перемены происходят с потомками. По опыту сужу.

В день маминых похорон моя внучка стала бегать своими ногами, а сын уже стал

бородатым лбом двухметровой протяженности. Учится на Яшину профессию, по нефти. Первый сессионный барьер взял, а потом?

Вот Вы пишете: за что? За что все хорошее? Но ведь это так понятно! Это из притчи о талантах. Это призыв - превратить их в двойную порцию. "Кому много дано" - это относится не только к способностям, но и ко всему в жизни. Это прекрасно, как ответственность, а не как бездумное ликование.

Вы конечно, спросите, чем я отдам? Всем. Побродив по миру, Вы теперь лишний раз убедились, чего в нем мало. Каждый духовно мыслящий и чувствующий из нас - есть посланник, свидетель, так сказать, десантник Добра, самого редкого товара, самой далекой инстанции, самого насущного.

А наши скитальцы поняли это по-своему. Клянут и гордятся, выкаблучиваются. Причина чисто психологическая: стремление компенсировать свою недостаточность, несостоятельность (творческую и человеческую)

и, кроме того, подсознательная месть за разрушенные мифы. Об этом мне едва ли придется писать своим корреспондентам. Дай-то Бог выслушать их плач на реках Вавилонских. Это их мучает больше всего. А уж на поверхности - самоутверждение: "а жаль, что не знаком ты с нашим петухом..." Словом, вечные человеческие проблемы одинаковы везде. Грехи - категория интернациональная, как и глупость.

Зима у нас проходит. Стало тепло, но Наташа моя, конечно, не прочь бы пощеголять, но боюсь, что это хлопотно и накладно. Что Вы делаете, кроме работы и детей, что читаете, о чем думаете?

Жду.

Храни Вас Бог.

Ваш о. Александр Мень.

(Получено 14.03.1979)

22 марта 1979
Хьюстон

Дорогой отец Александр!

В те дни, когда приходят Ваши письма, становится хорошо.

Одно только опечалило меня в Вашем письме: оказывается, Вы - дедушка! Я то думала, что Вы молодой и красивый.

Время меня всегда беспокоило. В раю, наверно, нет времени. И кажется, открытие конечности и погрузило меня в бесконечное. Эта жуткая кошмарная бессмысленность, которой я мучилась, началась у меня после того, как я вдруг заметила (опять же далеко ехала!), когда смотрела портреты в Национальной галерее в Вашингтоне, что время-то проходит, что нет ничего холоднее времени, и что всё может обойтись без меня, как и я без этих людей. В такую черную, мрачную бездну хаоса провалилась, думала - конец бесконечности.

Наглоталась свободы и чуть не задохнулась, чуть не растворилась в бессмысленности. Сидела, как подкидыш, тупо глядя на происходящее, всё время чувствуя своё несовершенство. Падчирица великой державы! Где весёлость? Где насмешливость? Каждая секунда несла пустоту, тяжесть, удушье. Полный распад на атомы и молекулы. Был предел боли. Как я выкарабкалась? Это чудо. И теперь я верю в чудеса и в смысл жизни.

Но неужели все люди проходят через такое? Через такое испытание свободой, временем? Или это уготовлено для таких легкомысленных дамочек, которые считали, что они - само совершенство? Боль учит меня жизни. Ведь стыдно сказать, я думала, что верить в Бога, конечно, неплохо, но не для меня, а для других - не таких хороших, как я. Например, для Яши, у него натура плохая, ему нужно ее "исправлять". Для меня все было элементом "морального ученья". Я все подхихикивала над Яшей и над другими "чудаками"... Вот и дохохоталась до... захлёбывания собой. Опять же - дальше ехать некуда! Дураков свобода учит. И оголяет все человеческие слабости. И это неправда, что здесь люди более прагматичные, чем там; люди-то, оказывается, везде такие же. (Америку открыла,

глядя на глобус.) Узнаю брата Васю. Просто меняется спектр ценностей... Я еще точно не знаю, как об этом сказать, но чувствую, что умные тут умнеют, а дураки глупеют. Все усиливается. И если там мы зацикливались на "внешних обстоятельствах", то тут мы "зацикливаемся на себя"...

Вот тут только что... Яше позвонил из Нью-Йорка его друг, который приехал из Парижа. Яша ему всю плешь переел, чтобы он захватил оттуда две Яшины картины или прислал бы почтой. Тот обещал, обещал. Сейчас приехал, и Яша его спрашивает о судьбе своих картин. "А мне и в голову не пришло. Да я и позабыл совсем...", - отвечает тот. Это друг едет в Нью-Йорк... Начисто забывает о другом человеке, о своём друге. Если бы ехал из Москвы в Ленинград, захватил бы картинку, сам бы позвонил сто раз, чего привезти из Москвы? А тут... ошалевают... Я вот тоже чуть не ошалела.

И как уберечься от душевной черствости? И как сохранить в себе что-то человеческое! И даже тут, в Америке, отдаленно хотя бы напоминать человекообразное существо. А что было с другими Яшиными дружками? Звонят, пишут "с дороги": мол помоги, Яша, а потом "спасибо" забывают сказать.

Разве могут быть люди счастливыми, если они не благодарят за хорошее, считая, что им так и полагается. Писать о многом стыдно, позорить людей, сам человек перед собой пусть отвечает. Но были и приятные неожиданности: малознакомый Яше, Миша Шемякин²⁰, прислал нам денег, когда нас в Риме обокрали. И я буду всегда это помнить. Эту капельку Добра. Иосиф Бродский²¹ хлопотал за нас, когда Толстовский фонд внезапно снял нас с помощи, (когда графья позавидовали, что Яша устроился в Принстон), звонил своим поклонникам и тоже предлагал денег. Наш друг фотограф Лёва Поляков²² тоже принимал живое участие в нашей судьбе. Встретил нас в Нью-Йорке в длинной-предлинной машине.

(здесь я пропускаю некоторые гадости про живущих людей).

Вот как бывает, даже квант славы человека из колеи выбивает.

Потому что не понимаем главного, что "единая человеческая Душа дороже всей Вселенной". Как Вы догадываетесь, это я не сама придумала, но теперь-то я капельку начинаю понимать, что в этом есть Смысл. Да еще какой!

И вообще я каждый день теперь что-то новое открываю. Велосипед.

И книги-то по-другому читаются. Вы спрашиваете: что читаю? Я все с самого начала начала, с курочки Рябы. Спихватилась. Образовываюсь. То, чему учили, стараюсь забыть, все гвозди из головы хочу вынуть, чтоб освободиться от вбитых ходячих и неходячих истин.

Недавно Николая Васильевича Гоголя прочитала. Ничего был писатель. Умел писать так оригинально и так красиво! Я только не пойму, почему он про Израиль ничего не написал? Ведь он был на Святой Земле.

Слышала я, что Пушкин тоже ничего не сочинял. Вот сын будет читать, и я с ним. Я сейчас во втором классе.

Бердяев так хорошо пишет. Сейчас читаю и наслаждаюсь. Хорошая тогда компания на пароходе уехала. Как все развернулись. Многое Яша мне растолковывает. Почему Яша выбрал для себя художества? Яше нужно писать философско-критические статьи, всем было бы интересно. Он уже одну написал, но это скорее психологическая инструкция: может быть, Вы о ней слышали?²³

Преодолев первые азы, я сама уже собралась сочинять по последней моде: сам ничего не знаю - других учу. Или, может, капельку подождать? Много ведь еще неизвестного-то. Непочатый край.

Школьное образование тут странное. Там в одном противность, тут в другом. Дома тут ничего не делают, и в школе, как в доме отдыха. Вчера, например, Илюшин класс, жеребцы 13-14 лет, пошли на экскурсию в... зоопарк. Не в музей, не на завод, просто... в зоопарк. Это у них "по науке". В школе всего три предмета - язык, математика и наука. Что изучают по "науке"? Как зубы чистить, как за волосами ухаживать, что лучше есть, от чего не толстеют и т.д. По "математике" - как лучше составить налоговый отчет, что вычитается и что остаётся, и что будет, если 4×2 ? По "языку" - как написать деловое письмо. Все остальное время - физкультура. Нашего Илюшу на "доску почета" повесили: он знает, где Ленинград.

Тут теперь новая система образования: никого не травмировать, никого не заставлять насильно что-либо изучать, каждый сам себе выбирает, чем ему заниматься. Все хорошо учатся, каждый на своей доске почета, а науки изучай дома.

Есть в Хьюстоне и приличная частная школа, куда дети отбираются не только деньгами, но и способностями, мы, конечно, очень хотим, чтобы наши туда пробрались. Илюша в этом году туда экзамен не сдал, а Данила хоть и сдал всё на сверхпятёрки, но ещё стоит в очереди. Он маленький и не позабыл, чему мы его учили, и к тому же большой хват, никакие вопросы добра и зла его не волнуют, а только собственная выгода. А вот Илюша, действительно, нуждается в хорошей школе. В этой-то пропрохлаждается и совсем всё позабудет и ни в какой приличный университет не поступит. Теперь Яше прибавилось работы - детей обучать, просвещать, Илюшу подготовить к экзаменам, чтобы хоть на следующий год он смог попасть в эту приличную школу. А мне надо заканчивать свое письмо, сказать Вам слова глубокой благодарности - СПАСИБО - и попрощаться до следующей встречи.

Ваша Дина.

Тут в воскресенье были в той маленькой церкви среди небоскрёбов, Яша теперь нас туда водит. И знаете, кого там встретили - отца Антония,

который техасец, живет в монастыре в Финляндии в новом Валааме и знает отца Марка. На краю света происходит такая встреча. И кажется, я впервые в жизни позавидовала не славе и не богатству, а душевному свету, который он излучал. Он в сентябре едет учиться в Ленинградскую семинарию или правильно сказать - академию. А "наш" священник - бывший кармелитский монах. Мне так кажется, что он влюбился, и потому оставил монастырь и перешел в православие. Мне об этом никто не говорил, но почему-то я так решила, глядя на его счастливую семейную жизнь. У него шесть человек детей, и жену свою он просто обожает. Он нам нравится. И маленькая-маленькая церковь тоже. Там два человека, но ведь дело не в толпе..., а в том, что эти люди по правде верят. И это меня тоже удивляет. И это вообще меня удивляет: неужели все другие верят в то же самое и так же, как я..? Так и хочется "возвыситься" над другими. Соблазнов много. И как удержаться?

27.4 [1979]

Дорогая Дина!

Так интересно было читать все, что Вы пишете, и так ясно представляешь себе тот непривычный нам мир, где Вы живете. Какой, однако, был большой смысл для Вас попасть в него. Многие оказались рельефней и переоценилось.

А о "времени" я еще раз напомню Вам слова из Библии, что "времени уже не будет". Значит, эта страшная необратимая сила действует лишь в падшем мире, как одна из его характеристик. Любой же прорыв в любви, в творчестве, в красоте и мистике есть победа над временем. Если не иметь этого прорыва, то роковым образом оказываешься

во власти умирания и распада. Это и произошло с Вами. Время - поток, уносящий нас, как водопад. Но если взять другое направление, то жизнь станет путешествием вверх, восхождением, а не спуском. Я много видел людей, которые, идя вниз (годами), набирали сил, мудрости и света. Богатели, не нищали. В этом вся суть...

Вы спрашиваете, всем ли людям надо прийти к кризису, чтобы понять такое? Наверное, если не всем, то многим. Кьеркегор даже строил на этом свое учение о пути к богу только через отчаяние и "пограничные ситуации". Впрочем, иногда этого можно миновать. Если рано узнать, что почем. Тогда можно спускаться в пропасть на веревке, зная, что ты прочно закреплен наверху. Спускаться, чтобы понять других и испытать все...

Вот Вы пишете об ощущении себя "хорошей". А настоящая жизнь начинается с того момента, когда узнаешь о себе правду. Об

этом, если Вы уже читаете по-английски, посмотрите в К. Барта "Послание к Римлянам" (впрочем, трудновато, наверное, и книга немного экстремистская).

Относительно метаморфоз в отношениях, то это мне напоминает эпизод из Маугли, когда во время засухи все звери, хищные и травоядные, мирно пили вместе, а потом, с начала сезона дождей, снова начали охотиться и убегать. (Или другой пример: площадка молодняка - и потом). А велосипедов открывать не бойтесь. Это ведь Ваш велосипед.

Гоголь - это особая статья. Его часто не понимают. А на Востоке у него, бедняги, была депрессия (он был циклотимик), и он ничего не увидел и не почувствовал. Пушкин понят еще меньше. Это - свет. Даже печаль у него светла. И недаром он прошел путь от вольтерьянства к "Отцам пустыннокам" и "Страннику".

Что касается Николая Александровича - то я очень рад, что он Вам пришелся по душе. Это мыслитель 21 века, случайно забредший в наш. Правда, он очень изолирован от всех. Это портит дело. Но такая изоляция - беда, связанная с его "преждевременностью". Многие западные открывают сейчас то, что он давно открыл.

В связи с Вашим интересным рассказом о школах я вспомнил некоего Ильича. Он в Лат. Америке сейчас. Очень шумел. Снял сан "в знак протеста". Говорит, что учат чепухе, нужны не образованные школьники, а практичные люди. (Это опыт в Латинской Америке). Вопрос это трудный. Найти меру не так просто. Видимо, в Америке увлечены сейчас идеями его и ему подобных. Загиб пройдет, но не без пользы. Ведь, действительно, иногда лишнему учат.

У нас прошли пасхальные дни. Много народа. Еще лежит снег, но уже всю поют

скворцы. Ну, у Вас, кажется, климат примерно тот же. Внучка наша веселится. А я пока еще не чувствую себя стариком. Быть дедом вполне забавно и уместно.

Всех вас поздравляю с праздником.

Жду писем.

Ваш о. Александр Мень.

16 февраля 1979 г.
Хьюстон

Дорогой отец Александр!

Мы было забеспокоились об исчезновении Ваших писем, как тут три дня назад пришла от Вас весточка.

В предыдущих письмах я Вам все наши "чудеса" описала, главным из которых было принятие меня под плавничок акулы. Сегодня я Вам опишу "чудеса" вокруг нас. Что сказать мне о Хьюстоне? Здесь нет улиц, фонарей, трамваев. Соседей можно увидеть, только если подсмотреть, когда они возвращаются с работы. Как вследствие атомной войны, нет ни одного человека. Здесь нет даже дорожек для пешеходов, все на машинах, все в полётах.

Но здесь есть храм всех религий, или капелла Родко, оформленный художником Марком Родко. Яша считает, что эта капелла делает Хьюстон непровинциальным, и всем нашим гостям его

показывает. Входишь в восьмиугольное серое строение со светом, идущим из-под потолка и падающим на стены, увешанные монохромными полотнами, и сразу кажется, что это не картины, а обман, какие-то уловки. Пять минут постоишь, посмотришь во все стороны, переводя взгляд с тёмно-зелёного полотна на темно-фиолетовое. И... холсты начинают шевелиться, оживают. Из них возникают миры. Из темноты ночи вырисовываются города, замки, шпили церквей, горные пики, купола. Я что-то подобное чувствовала, когда смотрела на картины Миши Шварцмана²⁴. Вы видели его картины? Это тоже по ту сторону. Сродни им только пейзажи Израиля и его тайна. Яша говорит, что это бывает тогда, когда твоё мимолётное время встречается с глубинным. Нет-нет, да порадуешься за наш род человеческий!

А три дня назад открылась в музее и полная выставка работ Марко Родко. Он хотел только красками передавать настроение, неведомое, вечное. Белое на белом. Чёрное на чёрном. Ведь он тоже из России. Куда ни погляди, все из России... Даже тут, в этом "Эксоне", уже пять человек "наших". Варвары-то, кажется, всегда побеждают. И нашествие их на Америку продолжается.

Здесь оказался приличный музей, в котором встретили картины, известные нам по репродукциям: "Летящая баба на розах" Марка Шагала, "Портрет молодого человека" Модильяни и др. Всё из частных собраний - некоторые "акулы" дарят свои коллекции музеям. Это удивляет. Здания, парки, скульптуры, госпитали, прогулочные площадки - всё, что может украсить город, самое неожиданное, какая-нибудь клумба, скамейка построены на чьи-то личные деньги, на частные пожертвования. Поэтому, когда Александр Исаевич в своей Гарвардской речи назвал американцев жадными²⁵, то они обиделись, и на следующий день госпожа Картер сказала по телевизору, что ни в одной стране так много не собирается денег на благотворительность, как в Америке. И это правда. Поражает также и американский патриотизм. На праздники и даже без около домов вывешивают флаги просто сами по себе. Здесь в предместье Хьюстона, Пасадине, каждый дом с флагом, даже чересчур, будто дома вышли на демонстрацию.

Как-то мы идем по коридору нашей "империалистической акулы" с большим начальником, вице-президентом, который взял Яшу на работу и который нам покровительствует, видим висит призыв

- сдавать кровь для американских нужд! Яша спрашивает господина Вайта: "Неужели кто-нибудь сдает?" а он отвечает: "Я, например." Мы разинули рты и сказать ничего не могли. Он совсем немолодой человек, богатый, успешный, и зачем ему это надо? Потом мы увидели очередь в коридоре "Эксона" на сдачу крови. Я обошла её стороной, как в мои ленинградские времена.

А когда в прошлом году президент Картер в целях экономии энергии обратился к американцам уменьшить температуру в домах, то мы и ухом не повели и внимания не обратили, как привыкли в своём отечестве. В это же время я пришла в дом к своей знакомой, она немолодая и значительная дама, интересующаяся Россией, говорящая по-русски, живущая в шикарном и оригинальном доме, вижу, что она сидит в свитере и ежится. "А что это Вы, Поля, мерзнете?" - спрашиваю я. "Но ведь Президент попросил нас снизить температуру," - отвечает она. Я онемела. Представляю, если бы это у нас было, если бы в России Президент так свободно обратился к населению, все бы назло от жары поумирали, парились бы до потери сознания. Я попыталась это объяснить Поле про русских, но она мне не поверила. В Блэксбурге на "русских ланчах" я часто

чувствовала, как трудно американцам понять нашу психологию, нашу жизнь. Многое остаётся необъяснимым, некоторые думают, что в России всё как тут, только образование и медицина бесплатные. А отдельные тёмно-серые представители думают, что во Второй мировой войне Америка воевала с Россией... Ой, смешная Америка, есть над чем посмеяться.

Посетили мы выставку картин в федеральном банке. Наши "лебеди", послевоенные, на барахолке которые продавались, - шедевры по сравнению с тутошними некоторыми картинами. Неопишутые цветы, моря, животные. Нет им аналогов в нашей отечественной живописи. А раскрашенные фотографические портреты?! В американских домах это часто попадает. У своей тетки в деревне давно-давно видела. Входим в дом Яшиного кузена²⁶, который сейчас вице-президент Сиракьюзского университета, дверь открывается - и висят раскрашенные фотографические портреты... Было ясно, что "между нами большие пространства", так он нам написал в Вену, узнав, что Яша христианин. И "пространства" между нами стало ещё больше. Отсутствие вкуса компенсируется, правда, улыбками и вежливостью. Тут жизнь в улыбках.

Идешь по коридору - все улыбаются. Может, и нет у них вкуса, но как приятно делается на душе от улыбок. А у нас и вкус есть (у кого?), а вот улыбок совсем не видно. Завидно мне, глядя на свободное американское население. И работать умеют, и жить. Вот уже хотела написать, что, мол, без загадочности, как сегодня в час обеденного перерыва около музея мы с Яшей увидели такой глубины скульптуру "Пиета", что и сказать ничего не могу на этот счет. Сделана-то она американцем. И как после Микеланджело осмелился этот человек? Одним словом, в Америке есть всё.

Даже приличные фильмы можно увидеть, и в специальных кинотеатрах, и при университетах бывают тематические фестивали и показывают достойные картины. Мы вновь с удовольствием посмотрели "Рублёва" и восхитились, как удалось Тарковскому поставить и показать фильм о духовной красоте самого мастера. Вновь насладились "Прошлым летом в Мариенбадене", этот фильм я тайно смотрела где-то в ленинградских подвалах. Поразили фильмы Бонуэля, испанского режиссёра, которые никогда не видели.

Постепенно-постепенно я начинаю принимать этот город и местами любить. Интересно бродить

среди даунтаунских небоскрёбов, каждый из которых - как самосветящийся невиданный космический минерал, выращенный человеком, и они отражаются друг в друге, и получается фантазмагорический пейзаж, ты идёшь и отражаешься во всех аквамаринах, хризобериллах, дымчатых топазах.

Люблю ходить во время обеденного перерыва в близлежащий к "Эксону" миллионерский квартал Ривер-окс, где ещё сохранились пешеходные дорожки, и смотреть на дома, которые самых разных стилей: много голландских кирпичных замков, есть французские шато с оградами и решётками, как у Летнего сада, встречаются тexasские ранчо - вытянутые, длинные, застеклённые строения. Так хочется заглянуть внутрь. Около одного дома-ранчо всегда бродит стадо коров, никак не могла понять почему, пока не объяснили, что земля в Техасе, на которой пасутся стада, налогами не облагается. Миллионеры хорошо знают законы.

Как я Вам уже писала, задумала я "разжиться" умом своего старшего сына Ильи - книжечку составила из его детских разговоров, которые мы с Яшей записывали²⁷. Он наговорил целую книгу удивлений. Илюша рассеянный, не концентрированный, забывчивый, но с такой глубиной

проникновения, с таким удивлением на мир, с такими неожиданными вопросами и ответами, что его высказывания приоткрывают кое-что о нас самих, о том, что изначально человек мыслит хорошо. "Неужели ты думаешь, мама, что кому-то интересно, что чужой ребёнок думает?" - так он меня спросил, увидев, что я делаю книгу из его высказываний. Я надеюсь, что, может, кому-то всё-таки будет интересно, что же думает "чужой ребёнок."

Случилось так, что Илье удалось пережить мистический опыт смерти. Он сказал Яше: "Когда о смерти задумываешься, - странно: - либо ослепительная яркость получается, либо мрак, чернота сплошная. Ничего посрединке не бывает. Я когда думаю, вижу как бы длинную-длинную трубу, а в конце ее - яркость. И в этой яркости ничего различить нельзя"... И нарисовал.... И нарисовал... пучок лучей из точки... как крест."

Посмотрим, что из этого всего получится? Пришлю Вам на суд. Думаю, что в ней ничего не будет "клеветнического" и она преодолеет барьер между континентами.

Я Вас обнимаю.

Дина

26.3.79

Дорогая Дина!

Вижу, что жизнь Ваша, если выразиться высокопарным слогом, "распускается, как цветок". Так сказать, вознаграждение за полосы трудностей и неизбывную трудность жизни в чужих краях. Единственное, чему я по-хорошему завидую, это, как ни странно, кино.

Конечно, и в Москве при желании можно посмотреть новые и старые занятные ленты. Есть даже специальный кинотеатр зарубежных фильмов. Но так получается, что мой образ жизни отдаляет меня от города на тысячу верст. Кстати, Вы пишете об Андрее Рублеве. Это действительно хороший мастер делал (я с ним в школе учился, он был у нас председателем драмкружка²⁸). Мне казалось удивительно, что он так верно понял место Рублева на фоне его эпохи (хотя многие ругали

его за натурализм). Но все же с куда большим восхищением смотрел его "Солярис". Поразительная, философская штука, как и его "Зеркало".

Трудно представить себе благодушное благополучие психики американцев, которую Вы и другие описываете. Трудно потому, что у нас люди, пережившие несколько войн, не могут быть такими. Но интересно другое: как их облик складывался. Ведь их предки - люди особого склада: протестанты, сектанты. Об этих их корнях, впрочем, многие пишут, хотя и разноречиво. Многие русские сектанты тоже переселились туда: духоборы, староверы, но они как будто законсервировались, признаков развития не подают. Значит, модель вероучения играет немаловажную роль.

Рад за Якова, за его живопись и за Вашу перспективу стать новым Чуковским. По-английски будете писать? Как Ваш язык? Моя внучка пока текстов не выдает и веселит нас, в основном, своими ужимками. В год и

три месяца называет всех мужчин папой, хотя отца явно отличает.

Картин Шварцмана я не видел. То, что Вы пишете о Родко, очень интересно. Иные критики говорят, что у христианства нет своего искусства, что оно просто отражает веяние века, как бы исчерпав себя в Средние века. Не знаю, правы ли они? Знаю только, что христианство, в принципе, не может создать своей однозначной культуры, вроде буддийской или исламской. Оно шире и глубже культуры вообще. Поэтому может говорить на любых языках.

У нас медленная весна. Кричат птицы и снег.

Через три недели Пасха. У Вас она на неделю раньше. С чем и поздравляю.

Обнимаю и шлю московские приветы.

Ваш о. Александр Мень.

[ноябрь 1979]

Дорогой отец Александр!

Не писалось у меня ничего в эти осенние месяцы - у меня в России внезапно умер папа, совсем молодой, ему было около шестидесяти лет, - так и не увидевшись со мной. Он хотел приехать сюда в гости, хотя, может быть, для него лучше, что он не увидел Америки, а то бы тут умер от огорчения за свою жизнь и Россию. Он очень любил деревню, где родился, это на Волге, в Калязине, и сбылась его мечта - там он и похоронен. И вот я смотрю на его жизнь и думаю: как он жил, и с умом, со смекалкой мужицкой, и с добротой? И честный был, а все равно жил не по правде, да разве можно жить с правдой, когда всё пронизано ложью?! У него была подмена вер - не в то верил. Он боялся увидеть нормальную жизнь, зачеркивающую весь смысл его жизни. Именно для него визит в Америку был бы концом его жизни. Отец был из поколения тех, что "смело

входили в чужие столицы и возвращались в страхе в свою". Теперь будем маму звать насовсем. Хотя возникли очень большие трудности с вызовом из Израиля - не дают с русскими фамилиями. Яшин отец старается, но что-то никак пока не получается. Израиль-то во многих отношениях родной брат нашему оставленному отечеству. Приезжающие туда наши, люди долго остаются советскими и несут с собой весь груз. Как шутит Анри, партбилеты из карманов вывешиваются на головы. После Америки это бросается в глаза.

В Америке-то и то так трудно освободиться - вот со мной что делалось. И почему так было? Потому что привыкла видеть свою реальность в отсветах других, в суете, в установившихся отношениях. А как оказалась лицом к лицу с другой реальностью, с другим миром, так и замучилась бессмысленностью. Я, кажется, начинаю кое-что понимать про иммиграцию. Наваливается переоценка ценностей, прежде всего самого себя, и то, что должно быть очищено, выброшено, начинает страдать. И каждый должен пройти через это напряжённое страдание. Даже книги читаются по-другому, какие-то мелкие шебуршания в книгах уже

ничегошеньки не значат, бывшие герои становятся нулями.

И то, что я говорила, что в Америке "буду окна мыть", оказывается полным бредом. И так со всеми представлениями. Почтение к американской науке исчезает, кажется, что тут-то какие-то невероятные ученые, а потом вдруг видишь, что люди-то везде люди, и у нас ещё и интересней. Правда, американцы, конечно, приятный народ, но довольно прагматичный, на наших туристов похожи - в походы, у костра, футбол. Конечно, это в массе, голос большинства, как Яша считает, что средний американский человек лучше нашего "среднего". Как вычислить среднее без остатка?

Я уже более или менее начинаю понимать, кто есть кто, уже ориентируюсь, думала, что из-за моей языковой неполноценности и всеобщей американской выровненности и вежливости не смогу отличать людей так, как в России. И вот прошло четыре года, и я немножко научилась, хотя до той моментальной оценки по одному русскому слову ещё далеко, но уже чувствую себя более комфортабельно, можно сказать, "адаптировалась." Всё встаёт на места - причем, на другие. Ожидания мои часто ссорятся с не-ожиданиями. Сильные духом люди

переживают все проще, вот я смотрю на Яшу, он не докатился до моей пропасти, потому что у него была вера. Как я Вам уже говорила, я над ним подхихкивала, вот и дохохоталась. Теперь над собой посмейся, Дина! Яша говорит, что здесь он тоже более отчетливо увидел дискретность времени, что жизнь конечна, и тоже переживал трудные минуты. А у меня совсем был паралич воли и хаос.

Да, кстати, про Кузьминского. Как я Вам писала, наши отношения с ним начались с драки - на банкете в Вашингтоне, но... хорошая дружба часто начинается с драки. Костя Кузьминский, жадный до всего экзотического, кривого, противоречащего, человек добрый и милый. И мы его залюбили. Он талантливый и оригинальный. Костя свободный и другим дает свободу. Теперь мы видимся иногда, они живут недалеко, в трёх часах езды от Хьюстона, в Остине. Этот город университетский, там большой университет Техаса, расположенный на "балконах", то есть на холмах с озёрами, не такой плоский, как Хьюстон. В университете есть русская кафедра и создан институт русской культуры. Возглавляет этот институт профессор Джон Боулт, искусствовед, специалист по русскому авангарду. Институт хочет

устраивать выставки, создавать архив русских материалов, печатать разные книжки и т.д. Теперь только осталось найти много денег, чтобы начали осуществляться задуманные планы, - осталось "уговорить великого князя".

Завтра мы едем в Остин, туда с докладом приедет А. Гинзбург³⁰, которого обменяли. Послушаем, чего он говорит. Яша когда-то давно-давно был с ним знаком. Джон Боулт написал статью про Яшины картины в приличном американском журнале "Art news" в ноябрьском номере. Статья называется "Окна в пространства света". Первый раз так красиво написано про Яшины произведения. Сразу же из одной галереи Нью-Йорка позвонили, давайте картины на выставку, Яша их уже отправил. Картины уже висят, но чтобы сразу их купили, такого нет - для этого нужно умереть. Тут быть художником! Не знаю, кто и может жить на доходы от художества? Вот сейчас очень Пикассо хорошо идет. Американский вкус, русский вкус, всё удивляет. И не только художникам жёстко на американском континенте, но и всем гуманитарным, музыкальным специалистам - приходится менять свои профессии, переходить во что-то более нужное.

Математики, физики, инженеры тут пристраиваются, большей частью к программированию, тесня американцев и подкрепляя Америку, но всё равно каждый проходит своё "открытие Америки" и часто не спит ночами.

В Хьюстоне вот-вот уже свой миллионер заведется, я Вам, кажется, писала про него, бывший советник Госплана, он начал продавать свои изобретения. Уже и свои "акулы" появляются, тот же Нахамкин³¹, который открыл в Нью-Йорке русскую галерею, теперь еще одну открыл в Лос-Анджелесе, ворочает такими оборотами, что недаром был кандидат математических наук, деньги считать умеет.

В доме всё устраивается, хотя еще и пустовато. К дому уже привыкаю, но так не люблю, как любила первый, "не свой", и к Хьюстону тоже привыкаю, к этому космодрому, но тоже так не люблю, как Нью-Йорк.

Ведь я забыла Вам описать наше путешествие по Америке и храм мормонов в Солт Лейк Сити. Я увидела идеальную несвободу. И я хочу Вам написать про это. Правильно ли я почувствовала невероятное отталкивание, я бы даже сказала, страх перед такой религией? У них идеальный коммунизм.

И хочется бежать. У меня много есть вопросов на эту тему. Пока же я просто с Вами попрощаюсь и обниму Вас, дорогой отец Александр, я с Вами сейчас попрощаюсь, но обещаю Вам еще до Нового Года прислать письмо.

Дина.

21.12.79

Дорогие Дина, Яков и дети!

Поздравляю вас с праздником Рождества, который вы теперь встречаете "по-американски". В такие дни невольно переносишься мыслью ко всем, кого бы хотел видеть и, увы, знаешь, что жизнь нас прочно разлучила. Но, тем не менее, есть главные вещи, которые не подвластны пространству.

Вы очень хорошо, Дина, описали внутреннее состояние людей, пребывающих в рассеянии. Трудно это, но всё имеет и позитивный смысл. Обнажается правда о нас самих, о жизни и прочем. Не всем по силам ее переварить, особенно, если они не ощущают главного смысла всего. Все идолы, иллюзии, привычки, рутина рушатся, и надо встать

перед лицом бытия "без дураков". Открыть наши корни в вечности, от которых мы так часто отрывались.

Вот и сейчас Рождество. Но оно не просто семейный праздник и не "воспоминание".

Был один удивительный человек, который впервые открыл это, - Павел. Он не был свидетелем евангельских событий, но постиг куда больше, чем те, кто были очевидцами и ничего не поняли. Он открыл для себя и для нас, что Христос жив сегодня, в любой день и час, что мы может встретить Его на пути, как встретил Павел Его на дороге в Дамаск. С момента Рождества Вечный образ открыл нам, ограниченным существам, Свое лицо, человеческое, соразмерное нам.

В связи с печальным известием о Вашем отце я вспомнил, как 10 лет назад - ушел мой. Как бы ни была тяжела эта разлука, я тогда же ощутил, что он взят своевременно. Наступали периоды, когда перед ним встали бы неразрешимые проблемы. Во всем есть

скрытый смысл, который мы лишь иногда узнаем ретроспективно.

Очень радуюсь успехам Яши на поприще живописи, надеюсь, что и работа идет своим ходом. Раз Вы научились теперь разбираться в слоях общества, наверное, будет легче жить, то есть находить "подобное для подобного".

Дина, Вы пишете о мормонах. Я в свое время много думал о них и читал. На их примере яснее становится необходимость Церкви, которая худо-бедно может сбалансировать человеческие загибы и сохранить связь с источником.

Трагедия их в том, что они изобрели себе веру "независимо" от вселенского христианства и тем самым открыли простор для функционирования негативных механизмов (социальных и психологических). В результате - "закрытая система" с жестким, почти нечеловеческим режимом. Это как в биологии: вид, изолированный от всех воздействий, обречен на деградацию. А их

главный импульс - отделиться, все строить по-своему, не считаясь с опытом вселенского христианства. Теперь их трудно назвать даже христианами (как и свидетелей Иеговы, которых в Америке немало).

Всегда рад услышать Вас и знать о Вашей жизни.

Обнимаю. Храни Вас Бог.

Ваш о. Александр Мень.

[1980]

Дорогой отец Александр!

Здравствуй!

Я несколько припозднилась с ответом из-за того, что на работе пришлось поработать. Где советский показушник не приспособится? Даже в логове "акул империализма" он делает вид, что трудится, а сам... пописывает письмишки. Весной я должна была работать на том самом компьютере, который "видела", из-за этого виденья меня сюда и взяли, как я Вам писала.

Это была Америка! Графики "сам" рисует, меняешь данные - в секунду другой график... В первые моменты я волновалась, всё думала, что он скажет: "Дина, ты дура..." Но он помалкивал на этот счет, и я перестала его бояться и даже поработала. Компьютер так напоминает мне человека, у которого

что-то отсутствует, и я радуюсь, что я не компьютер, что он мне даже нравится.

А какие тут красивенькие все эти вычислительные, измерительные, размножительные машины. "Эксон" я поудивляла картами, которые составляла, опять же по родной привычке работать напоказ - думаю, что меня возьмут директором, в струю поспеваю, никаких там идей, рассуждений, всяких новшеств не ввожу. А это везде очень ценно. И вообще эта "акула" отдаленно напоминает привычное, с похожими законами, как зеркальный двойник, только не искривлённый. И я себя тут чувствую, как при идеальном коммунизме.

Яше удалось пробиться на Международный конгресс, который будет в Париже в будущем году. "Акула" очень волновалась, так как не принято ездить от имени "Эксона" простым сотрудникам, только вицепрезиденты могут ее представлять в международной обстановке... Но Яша едет как представитель этого нефтяного "магната". Поначалу президент сказал "нет", но Яша, закаленный в советских холодах и отказах, начал снова добиваться. И президент сказал "о'кей", выслушав все Яшины аргументы. Тутошний народ удивился. Здесь люди привыкли, скажут "нет", значит "нет", а

мы-то знаем, что есть и другие "инстанции", и что "нет" - это только начало борьбы за "да". Наш свинцовый "бэкграунд" нам помогает в тропическом климате города Хьюстона.

Этот месяц знаменит был тем, что мы, наконец-то, выбрали дом и купили. Это было одно из испытаний семейной жизни. Мы уже прошли одно - писали мне диссертацию, а вот теперь еще одно преодолели - купили дом. Сами понимаете, я не только "обжидовилась" (мои приятели очень по этому поводу бушевали), но и "обуржуазилась". И эти два недостатка вместе при покупке дома во мне разыгрались. Тут, оказывается, есть и замки, и миллионеры, и некоторые дома лучше других, раньше этот факт как будто был мне не известен. И нет покоя. Я хотела жить в зимнем и летнем дворце. Я уже Вам писала, что я поняла на себе истоки коммунизма. Но пришлось справиться со всеми своими завистливыми инстинктами, и дом мы выбрали. Я потом опишу Вам его по подробнее, потому как сквозь слезы я его плохо рассмотрела, а сейчас он оформляется. Как наши кооперативы: 10% наличными, а потом банк дает ссуду - после проверки нашей денежной надёжности. Мы думаем, что у нас

все в порядке, а где-то к августу надеемся переехать в свой американский дом.

Отношение к деньгам у американцев, как к поэзии. Много денег - значит умный, нет - "гуляй, Вася!" Я впервые услышала в Блэксбурге от начальника, когда ему посоветовала, каким углом мебель вносить, главную американскую присказку: раз ты такой умный, что же ты такой бедный. И это правда, тут деньги имеют ценность (эквивалент ума?), и только отсюда я могу удивиться, что бывает чудо - находятся люди, которые изучают поэзию, литературу, искусство. Оказывается, и нашим-то на свободе книжки не так нужны, как мы там притворялись, весь интерес был на поверхности.

Тут к бизнесу приучают с ранних лет, родители радуются, когда ребёнок притаскивает первый доллар. Сама поражаюсь своим реакциям, смотрю на Даничку, он на ходу подмётки рвёт, то одно придумает, то другое: то выменяет мышь на кодилак, то ещё чего-нибудь выдумает. Пока Илюша размышляет, есть ли свобода после смерти или нет её, Даничка у него крадёт кока-колу и выпивает. В одной из популярных американских детских игр "Монополи" есть такое правило: "если ты проиграл все деньги, то уезжай в деревню и становись

философом." Я думаю: как все ценности бывают противоречивыми!

В субботу откроется Яшина выставка в галерее. Как я Вам уже писала, у него стало что-то приличное получаться. Элементы пространства и красоты. Я ведь серьезно к этому Яшиному увлечению никогда не относилась, а тут смотрю: красиво!. И публике нравится. В предыдущий "викенд" у нас гостили знаменитый Кузьминский с Джоном Болтом²⁹. Яшины творенья Джону понравились, и он собрался прославить их в журнале "Art America".

Прощаюсь с Вами и обнимаю Вас.

Дина

24.04.1980

Дорогая Дина,

Получил Вашу открытку и взаимно поздравляю всех вас с Праздником. Долго же не писал из-за того, что все это время был перенасыщен приходскими делами и службами, дома бывал редко. Так всегда бывает перед Пасхой и после нее. У меня за домом еще лежит снег (24.04!), весна холодная и суровая. Но, несмотря на трудности нашего климата, Бог дает мне пока сил делать все, что нужно, то, что делаю всегда. Будем надеяться, что и дальше так будет.

Очень рад Вашим (обоим) успехам, но не совсем понял: Вы пишете по-английски? Это о сыне и его изречениях? Это ведь будет для взрослых? Я всегда думаю о детях: им так не хватает хороших книг! На тысячу "взрослых" - одна хорошая детская. Это, наверно,

касается любой страны. Уж очень это большое искусство - писать детям.

Есть ли у Вас фото хотя бы каких-нибудь Яшиных картин? Хотелось бы взглянуть, что он теперь делает. Его Амос так со мной и неразлучен. Вспоминаю наши с ним разговоры о мировых проблемах. Он редкий человек, который понимает многое. Сейчас, как мне кажется, полоса упадка и усталости мысли. Многие примитивизируется. Но это не в первый и не в последний раз. Истина от этого не пострадает, ее свойство облекается во все формы, начиная с самых сложных - до самых простых. Это хорошо видно из самой Библии...

Жду Ваших писем, которые, как никакие другие, полны жизни и искр и приоткрывают завесу над Вашим бытиём.

Всех вас обнимаю и шлю Божие благословение.

С любовью

Ваш о. Александр Мень.

23 мая 1980 года
Хьюстон

Дорогой отец Александр!

Здравствуйте!

После столь долгого отсутствия от Вас известий мы получили Ваше письмо. Оно долго где-то путешествовало. И вот оно у нас. Можно, я скажу Вам еще раз, как мне нравятся Ваши письма? Можно, я совсем обнаглею и скажу, что Вы умеете и писать, и мыслить. Мне стыдно делать Вам такой комплимент, но мне хочется. Я-то, как обнаглеваю в Америке!? У нас тут болезнь - мания величия заводится. А хвастунов сколько завелось!? А какая заикленность на себе. Я...! Я...! Я...!

Я расскажу Вам лучше о последних наших Хьюстоновских событиях. Здесь есть еврейский центр - типа дворца культуры, куда еврейцы и нееврейцы, заплатив 200 долларов в год, ходят развлекаться, поиграть в теннис, попариться в сауне, покупаться в бассейне и т.д. При этом "дворце культуры" наши вновь прибывшие открыли "Русский клуб" - после долгих споров и разных передраг "клуб" начал существовать. Шесть "бойких" организаторов, очень хотели Яшу привлечь, но он, конечно, не привлёкся. Меня же упомянутые ребята не хотели привлечь из-за русскости (в Русский клуб?) и из-за моего легкомыслия - я начинаю хохотать по каждому "серьезному" поводу. Например, "президиум выбрать, проголосовать за решение, дорогие товарищи..." и т.д. И все на полном серьёзе. Соскучились без президиумов, лозунгов и знамен. Итак, клуб заработал - можно рассказы писать о каждом заседании. Я собираюсь туда специально ходить - материалы собирать. Во главе клуба встал тихий Гоша Миркин³², мой бывший университетский сослуживец, которого Яша к нам в "Эксон" рекомендовал. Он хороший специалист и вполне приличный человек, как я шучу, как товарищ Сталин, тихо-тихо власть в клубе захватил. И вот ему

пришла мысль отблагодарить Яшу за то, что Яша его в "Эксон" пристроил (мысль, конечно, хорошая), - организовать выставку-продажу Яшиных картин в этом еврейском центре и привлечь еще двух вновь приехавших художников. Итак, три недели назад было открытие выставки в "джуишке" - так в русско-еврейском простонародье этот центр называется. Выставочный зал большой, красивый с застеклённым прозрачным потолком, как у аквариума. Яше отвели громадную стену, на которой он развешивал свои "творенья" с невероятным вниманием, чтобы картины разговаривали с друг другом, с воздухом, играли со светом.

Другой художник, Фима³³, особенно не старался развешивать, а смеясь говорил, что ему безразлично, как висят, где висят, лишь бы денежки приносили. Он реалист, был специалист "по Ленину" в России, тут "по евреям" пошел; закончил Ленинградскую академию, рисовать умеет, слезу прошибают его горемычные евреи со скрипкой, с печалью в глазах, с могоидовидами... Плачут, когда видят. Фима в России хорошо жил и тут на "мансарде жить не хочет", а хочет жить в особнячке с бассейном.

Третьим был архитектор из Москвы, чеканщик, человек ироничный, но мастер неплохой³⁴. Он, как и Яша, с вниманием и нежностью развешивал свои произведения.

Картины развесили. Яшины красиво выделялись, сверкали и излучали свет и тепло. В каждую из них Яша вложил массу труда, времени и сил. Яша теперь рисует свет, как бы "иконы света" - так он их называет. Фима же своих людей со скрипками, как блины, печет, у него рука хорошая, делает быстро, и "они" нежные, летящие, достающие. На выставке все американское еврейство было потрясено Фимиными твореньями, организовали очередь, покупали, плакали, умилялись, сентиментально наслаждались. У Фимы торговля шла бойко. Наша же "иммигрантура" все больше к Яшиным приглядывалась и вертелась около Яшиных. Воспитанные на портретах вождей, портреты евреев уже не воспринимали. Нам уже надо что-нибудь позагадочнее. Но Фимины покупатели - это далеко не самые последние люди по причастности к прекрасному. Тут, в основном, продается "дофимин" период - журавчики, лебеди... цветы, вода с замками. У Фимы есть психология - все-таки жалко этих евреев. Это уже высокий американский уровень

понимания. Я Вас умоляю, не смейтесь, это правда. Я совсем не преувеличиваю.

Наши, презирая вкусы американских покупателей, разозлилась и пошла покупать Яшины творенья. Две одесские чертёжницы купили три картины и даже одну большую. Тогда их соотечественник, господин Калина, бывший советник Госплана, обиделся, что его обскакали его землячки, и новоприехавший "миллионер" позвонил Яше - и тоже купил картину. Знай наших одесских эстетов! Поднялся иммигрантский ажиотаж... теперь каждый приличный иммигрант считает себя обязанным купить Яшино творенье - иначе будут думать, что он только дома покупает, и как бы нет у него вкуса.

Тем временем Фима все картинки продал на несусветную сумму - там Ленин его спасал, а тут евреи помогают ему в бассейне купаться. Яша после выставки был удручен, три дня не ел, не пил, переживал от своего "неуспеха" у американского покупателя. Я его утешала, говоря, что те люди, которым под силу твои "бессмертные творенья", купаются, парятся, моются, развлекаются у себя дома, а сюда-то приличный еврейский миллионер разве пойдет? Много ты ходил во Дворец культуры им. Газа? Через некоторое время Яша оправился -

зарплату ему в этот момент на работе повысили, "акула" хорошо заботится, для удержу, уже третий раз за 1,5 года Яшу повышают, и снова пошел в бой за признание своих "окон света."

Тем временем в корпорации в другом здании "Эксона" была конкурсная выставка "произведений" сотрудииков. Яша дал туда несколько своих картинок, которые брать совсем не хотели, но он настоял. Их повесили где-то под потолком, чтобы было не видно, стыдно было за них. Первое место занял тигр, такой величественный, похожий на тех послевоенных лебедей, которые на барахолке продавались. Второе - портрет ребеночка, такой розовенький в кружевных пеленках. Яша места никакого не занял, где-то в иррациональных числах. Я веселилась до потери сознания. Порождённое язвами капитализма и империализма абстрактное искусство в демократическом свободном Техасе не нравится. Это тебе не Москва с Ленинградом.

Яша живёт со странной иллюзорной наивностью - он так хорошо к людям относится, я неправильно выражаюсь, он скорее просто переоценивает каждого человека. А может, так и

надо? У меня же совсем нет терпенья - я начинаю хохотать, по природной женской хитрости замечая скорее недостатки, чем достоинства. Мужчинам вообще легче обмануться, чем женщинам. Кто-нибудь чего-нибудь наболтает, наобещает в хвастовстве - Яша думает, что это правда. Так было и в России: кто-то глупость какую-нибудь напишет, но приятель, и Яша находит какие-то приятные слова и не может сказать, что это плохо и никуда не годится. Однако, мой первый вариант книжки разнес в пух и прах.

Теперь я Вам расскажу, как Яша ездил в тюрьму города Далласа с выставкой своих творений. Решив: может, в тюрьме, прогнанные и отвергнутые законом, люди полюбят его картины? Хотел испытать новую аудиторию. Три месяца назад в Далласе была выставка в музее русского авангарда (Кандинского, Малевича и т.д.), и Яша там встретил людей, которые работают в тюрьме – перевоспитывают заключенных красотой. У них есть такой грант. Яша просто так сказал, мол, организуйте мою выставку... они и организовали. И вот в прошлый "викенд" он вместе с упомянутыми Кузьминским и Джоном Боултом, представителями русского

института и авангарда, проводили встречу с заключенными. "Русское искусство в американской тюрьме".

Тюрьма потрясла воображение Яши и остальных: кремлевский санаторий - с теннисными кортами, цветными телевизорами, с капеллой - молись сколько хочешь и кому хочешь. "Кафетерий лучше, чем в "Экзоне", - Яша так сказал. Все берёшь на выбор - сахар, приправы, всё на столах, молока, овощей бери сколько хочешь. Кузьминский, наверное, там бы остался жить, но не оставляют просто так, надо хоть что-нибудь нехорошее сделать. Костя так и сказал заключенным (которых зовут "резиденты") : "У вас просто рай. Сколько бы я тут стихов написал на таких свободных харчах!" Но этого нельзя говорить простому американскому налогоплательщику - он сразу сообразит, что туда его денежки идут... и это ему не понравится. Яша что-то такое начал говорить по возвращению тут, в "Экзоне", я смотрю, народ грустит. Думала, что в тюрьму захотели (это тюрьма, которая готовит на "выход"), а оказывается, переживали из-за налогов.

Налоги - это главная тема всех разговоров, как я Вам уже писала. Яша прошел курс обязательного налогового образования, чтобы знать правила и уметь

играть в эту игру. Налог наш возрос по экспоненте, вступили в полосу, где хорошо берут. К примеру, миллион получишь - 42% отдать надо, т.е. "на руки" как бы 558 тысяч остается. Людям обидно, и они всякие методы придумывают, чтобы свои денежки налогами не облагать, а вкладывать в разные места. Это не очень интересно, хотя и забавно, как всё крутится в денежном обороте. Оказывается, есть области науки, фирмы, которые государство поддерживает, начинает развивать, - вы можете туда свои денежки положить, и они уже налогом не облагаются, у нашего нового "миллионера" господина Калины сейчас такая фирма по продаже изобретений - помните, я писала: изобретатель из Москвы.

В Хьюстоне иммигрант жирный, это не Нью-Йорк, где многие ютятся в страшных (по-американски) квартирах. Тут наши уже скоро заводы захватят, дома уже все купили, американцев догоняем и обгоняем, как Никита Сергеевич хотел. Наши математико-физические силы нарасхват. Почему? Потому что умные-то американцы идут по линии адвокатства, врачевания, бизнеса, а на фоне дурачков - мы как звезды. Я смотрю, всех дурочек,

как бы программистов, подразобрали и даже переманивают друг у друга. Женщины нужны фирмам для показа, как и черные (мы раньше их называли "негры") что, мол, фирма никого не дискриминирует. Американские женщины большей частью необразованные - сидят дома, обед варят, те же, что шибко грамотные, борются, чтобы наравне с мужчинами работать, а обед чтобы муж варил. Бабы тут еще глупее мужиков. Мужчины хоть на работе чего-то узнают. Это я шучу, просто так. За пять лет только одну встретила (исключая иностранок, француженок и т.д.) американку, которая читала Гессе и Кафку... и та несколько дней назад умерла, старая была, в газете прочла. Наши тоже не сверкают образованием, но хоть делаем вид. Везде жить интересно, если смотреть внимательно. И вот после пяти лет пребывания в Америке я заметила наконец, что человечество ещё на грани утробного развития, меня-то хоть Яша развивает. "А католики тоже христиане?" "А Библия - это что, книга?" Смеюсь и грущу одновременно.

Я говорю Вам: спокойной ночи!

Дина.

[1980]

Дорогая Дина,

Получил Ваше письмо, вернувшись из родного Коктебеля. Не знаю уж, что Вы в моих письмах нашли, но полагаю, что это реакция от беспросветной глупости, которую Вы так красочно описали.

А с Яшиными картинами дело, наверное, сложнее. Ведь сколько уже веков, как обыватель явно предпочитает "натуру". Всех модернистов брали (и берут) из моды, созданной прессой. Почему люди мидлмены любят натуру, понять трудно, но это факт. Были же века, когда положение было иным. Впрочем, очень давно. Ведь до Ренессанса картины в доме не вешали. Значит, тысячи лет все - натура. Что же ждать от бедных

американцев? Попритворяются-попритворяются, а потом и хватать - берут еврейцев "как живых". Это уже искренно. В искусстве-то понимают немногие, и это везде и всегда. Куда деться? Конечно, мода - сильная вещь, приходится себя мучить тем, что втайне не по душе...

А как с Вашей книгой? Вы давно об этом не писали (и вообще). Описанием клуба Вы меня восхитили. Вот уж поистине бессмертна тупость и универсальна. Чудные мы люди: жарко - нам плохо, холодно - тоже. Есть сауны, бассейны - дуреем, нет - дичаем. Комфорт - плохо, дискомфорт - тоже. Впрочем, во всем этом видно главное.

Не здесь решается основная загадка человеческой судьбы. Прямо-таки наглядное пособие! Как без духа можно мило оскотиниться, даже имея бассейны. Вавилон... Вавилон в библейском смысле слова. Только некому эту Атлантиду обличить (а если и есть,

то не слушают, как всех Кассандр и пророков), так всегда бывало. Один Бог управляет нам мозги время от времени, но Он долготерпелив, как эволюция, как долгие геологические периоды. Он лепит нас, кувыркающихся, и Свое дело до конца доведет. Он и нас-то сделал очень живучими, как лягушек. Все перенесем, даже глупость и комфорт. Это животные вымирают от неблагоприятных условий, а Адам - орешек попрочнее. Весь измусорится, а потом мусор слетит, и видно: было в глубине что-то Божье. Не совсем одичал и выродился. Искра никогда не погаснет. Как сказано в писании: "Свет светит во тьме".

Шлю Вам всем московские приветы и добрые пожелания.

Храни Вас Бог.

Ваш о. Александр Мень.

7 декабря 1980
Хьюстон

Дорогой отец Александр!
Здравствуйте!

Получили Ваше красивое письмо, вот удивительно хорошо доставляют Ваши письма. Мы думаем, что из-за уважения к Вам такая быстрая и точная доставка.

Тут в прошлый "викенд" познакомились в Остине с Юзом Алешковским³⁵, Вашим подопечным. Он приезжал в университет поболтать со студентами по приглашению нашего друга Ильи Левина³⁶. Два дня без передыху хохотала, так Юз понравился, что вместе мы хорошо повеселились. Вот уж кто языкастый. Я просто как беззубый моллюск рядом с ним, хотя, конечно, я тоже старалась. Юзу тоже Ваши книги очень нравятся, он тоже в свои из них переписывает и разбавляет разными простыми русскими словами, чтобы понятней было для народа.

Пух и перья летели от всех русских писателей, газет, глупостей, дураков... Правда, Яша нас сдерживал. Я всегда поражаюсь Яшиному свойству - у него есть уважение к личности другого человека, когда и человека даже нет, не то что личности. Когда так хочется недостатки разобрать, Яша же вспоминает достоинства... и сбивает интерес окончательно разбушеваться. Но когда Яша засыпал, утомленный, тут-то мы и разворачивались. Здорово перепало газете "Новый американец" во главе с Сережей Довлатовым, "Континенту", отдельным людям и издательствам. Но нас вместе с Юзом объединяла любовь к Америке. Так что мы не только обсуждали недостатки товарищей. В перерывах мы хвалили Америку. Давно такого удовольствия от общения не испытывала, теперь месяца два придется молчать, вернее, не молчать, конечно, а так не смеяться. С Юзом у меня получился дуэт, и даже Кузьминский, который любит сам напропалую беседовать, сидел притихший, забитый и молчаливый. Юз про меня сочинил быстро: "Птица Какаду - плачет и смеется на ходу"...

Кузьминский, как я Вам писала, антологию русской поэзии составляет в пяти томах. Первый том

уже вышел, он им страшно гордится. В первый том антологии Кузьминский ни с того ни с сего, из чистой злобы на Максимова, в приложении взял и опубликовал письмо Максимова из "Октября", со всеми "спасибами" партии, Хрущеву, Кочетову... "Своя антология, что хочу, то и делаю" - отвечает Кузьминский, когда я его спросила: "А чего это ты? Он, оказывается, затаил давно злобу на В.М. из-за того, что его стихи в журнале были плохо напечатаны: их сократили, перевернули, урезали, без его согласия и ведома. И ещё Костя обиделся за Лимонова. Тут Лимонов³⁷ выпустил роман и всех поудивлял сексуальными откровенностями - на что В. Максимов сказал, что имя Лимонова он вычеркнет из своего "Континента" и из всей литературы. Кузьминский и это ему "припомнил"... Я рассердилась, говорю Кузьминскому, чтобы он не склочничал, но Юз тут Кузьминского поддержал, нет, вернее, не поддержал, а пожурил, потому что сам тоже "зуб нарисовал" на Максимова, тоже из-за уреза своих творений и всяких глупых разговоров.

Приезжаем домой - приходит новый "Континент", и там... бушует Максимов в "Колонке редактора" и так непристойно, про Синявского³⁸ и

про Эткинда³⁹ - "профессоришко". И что сказать-то? Кузьминский - лицо безответственное, голенький может появиться на страницах журналов, по Остину ходит в яркой юбке - русский хиппи... С него вроде как спроса-то нет, он против "истеблишмента". А Максимов-то мог бы и уняться. Яши нет на него! Тут новая мода: все - агенты покинутого отечества. Я про кого только не слышала, вот теперь прочла, что и Синявский, оказывается, тоже "служит"... Мне только про Яшу ещё не говорили, может, от жены скрывают правду, в один прекрасный день узнаю - почему он так за всех заступает?... "Точно работает, Дина!" С другой стороны, может, я сама? "Любит хохотать, любит наряжаться, любит Америку" - подозрительно. Надо сказать, что эта болезненная мания меня и в ленинградские времена раздражала. Уехали и увезли с собой и безжалостность к свободе, и всех агентов. Один автор в "Континенте" даже процент сосчитал, математически обосновал - 60%, говорит, "не нашего" элемента среди иммигрантов. Будьте бдительны!

Теперь я немного похвастаюсь о своих писательских успехах. С Вашего разрешения я вступила на этот путь, мне Ваши слова помогли. А

почему бы и не попробовать на свободе развернуться? И я решила, хоть "труд упорный ему был тошен", и всё-таки сочинила первую книжечку, как я Вам уже писала, называется "Илюшины разговоры". И сейчас я получаю разные отзывы. Есть очень хвалебные от вполне достойных людей. Даже отец Кирилл Фотиев написал, что "книга составлена с умом и изяществом". Я возгордилась. И уж совсем от счастья чуть было не исчезла, когда согласился оформить мой шедевр Игорь Тюльпанов (один из лучших художников мира). Иду на радостях в ланч, встречаю жену одного нашего русского сотрудника и говорю ей: "Инна, лучший художник мира согласился оформить мою книжечку".

- Делать ему нечего, - отвечает Инна.

- А ты книжку-то читала?

- Да, просматривала, ерунда какая-то.

Так что вот такие разные мнения. Где-то в середине февраля уже выйдет, будет зависеть от Игоря. У меня уже все готово. А денежки нужно самим заплатить, так как без роду без имени никто не хочет печатать - спроса нет, и издание будет стоить около \$2,5 тысячи. Яша, раскрывай кошелек! Тут печатай все, что хочешь, только денежки плати. Роскошные каталоги Шемякина стоят ему по 150

тысяч долларов... Хорошо, когда есть на что - деньги власть имеют, как я убеждаюсь, тут только и познаём науку о ценностях, хотя Карла Маркса проходили с горшка. В "мире чистогана" погружаешься в зелёную стихию, наполненную звуками: "Доллар! доллар!", и начинаешь учиться тому, что тутошные люди знают с детства: выписывать чеки, пользоваться кредитными карточками, вкладывать, выкладывать, рассчитывать.

И мир удивительно неузнаваемо-узнаваемый.

Три дня назад Яша уехал в Лос-Анджелес по делам фирмы (так звучит ярко, а на самом деле за картами для работы), и я, как всегда, пописываю на работе письма в его отсутствие и в кино хожу. Посмотрела "Доктора Живаго" в кинотеатре повторных фильмов. Зал был полон - студенты, молодежь, кушают попкорн (воздушную кукурузу), чавкают, но смотрят про Россию и им нравится, потому как элементы чего-то человеческого есть - правды и жизни. Многих советских раздражает, что, мол, "клюквы" полно, а меня почему-то не раздражало. Я как начала реветь с начала... от снега, так и редела до синих сугробов, холода, стужи, до

конца - просто так, от обиды, не по ходу романа, а по ходу сожаления.

Многие американцы про Россию знают исключительно только из этого фильма, поэтому меня не раздражало - пусть смотрят, знания никому не мешают. И фильм мне понравился.

Задумав новую книжку⁴⁰, я никак не могу найти нужного тона (это про Америку, как я Вам уже писала.) Хорошо еще, что не пошла плясать, как Барышников, или на дудке играть, как Ростропович. Меня все время тянет на сравнения, на оценки, а я хочу, чтобы было чисто, и пока у меня никак не получается. Уже начиталась у всех про Америку - как-то не смешно и не интересно. И я не знаю, хватит ли у меня юмора и сил? Я говорю Яше, "Давай я лучше про любовь чего-нибудь сочиню", а он настаивает, чтобы про Америку, а сам ничего не помогает и списать не у кого. Но я не тороплюсь, хотя и хочется заступиться за новую любовь. Может быть, Вы мне чего-нибудь присоветуете: откуда списать? Древняя Греция - заменю на "Америку", например.

Я шучу.

И я Вас обнимаю.

Дина.

P.S. Моя американская приятельница подала на визу на рождественские каникулы в Москву, может быть, ей разрешат, и она зайдет к Вам в гости. У нее советский муж невыпускаемый, так что все сложно.

Д.

Февраль 1981

Дорогая Дина,

давно не получал от Вас вестей и был рад (письму). Вообразил в красках, как Вы отводили душу с Юзом, выплескивали все, что накопилось, а накапливаться есть чему - это видно и из Вашего письма, и из предыдущих. Не соскучишься. Про роман Лимонова слышал, но, к счастью, не читал и вообще вести об этой литкутерье доходят скудные. Но об этом тоже не слишком убиваюсь. Все пройдет, все минует, вода времен все унесет... а что останется - покажет время. Недавно тут читал приятную повесть об Огареве. Как много сходного в ситуациях и также многое унесла вода. Но все же люди были чуть-чуть

поблагородней (повторяю: "чуть-чуть", чтобы объективно было).

С книгой Вас поздравляю, хоть и не знаю, когда придется ее прочесть. Надеюсь, она выйдет красивая. И устами младенца в ней будет говорить истина. А другую, наверно, будет трудно писать. Я имею в виду - рядом со многими аналогичными по теме. Главное - найти ключ. То есть, одну-две главные мысли, которые хочется выразить, а уж на нее, как на ствол, все нанижется. Трудно еще потому, что основы страны возникли на двух китах, от нас далеких: евангелическом христианстве и пионерстве (не иммиграции). Евангелизм, растеряв многие важные вещи, возродил и сохранил некоторые фундаментальные христианские векторы. Но об этом так много сказано... Когда-то Вл. Соловьев говорил, что всемирно-историческая ценность (или миссия провиденциальная) каждой культуры измеряется тем, что она дала другим. Велики, говорил он, те писатели, которых ценят не

только на родине. А историк, недавно умерший, А. Тойнби считал, что "успех цивилизации связан с тем, насколько верен ее "ответ" на "вызов" Божий. Впрочем, это так, к слову.

Из своей лесной заснеженной пустыни шлю Вам приветы друзей и Божие благословение.

С любовью.

Ваш о. Александр Мень.

20 марта 1981 г.
Хьюстон.

Дорогой отец Александр!

Ваше письмо получила. Мы всегда радуемся вместе с Яшей Вашим письмам. А получили ли Вы красивый календарь, который я послала к Новому Году? Я купила 20 штук - все с природой, никакой пропаганды, и никто ещё не откликнулся ни из Ленинграда, ни из Москвы, что увидел их. Грабят прямо на подступах - пережитки капиталистического общества.

А в капиталистическом обществе города Хьюстона - весна. Цветут диковинные цветы магнолии, лиловые, с неизвестным названием, и другие, тоже неизвестные, у которых цветы распускаются раньше листвы и тоже очень красивые, снаружи пурпурно-красные, а внутри белые.

Советский человек уже завоевал основные посты в городе - дома купили все, и даже те, кто ни на каком языке не разговаривает. Тут мощная еврейская братия из города Бобруйска, не говорящая ни на одном нормальном языке, но умеющая работать руками - красить, белить, разбирать и собирать машины... на работе уже все и уже все в своих домах. Вот и говори после этого, что тут дискриминация и что нет ходу и работы... С бобруйчанами уже американцы говорят по-русски, обучаются, если хотят отдавать им в ремонт свои машины. Однако ребята из Бобруйска недовольны, что американцы тупые, не так быстро осваивают русский язык, работать не любят и работать не хотят, и вообще кругозор "у наших - шырше!" Говорят, что в Лос-Анджелесе бобруйчане далеко расширили свой кругозор по части не только ремонта, но и поломок машин, стукнут друг друга "бамперами" по договорённости, а потом денюжку со страховых компаний получают и чинят, и красят, и всё в обороте. У наших широкий кругозор.

Жизненная сила "наших людей" поразительна, в оркестрах играют, в "Эксоне", в "Шевроне", "Амоко"... работают. Есть компании, которые

русских берут прямо с улицы, без образования, чтобы они чертили и программировали. Бедные американцы уже не только потеснились, но считают за честь сделать предложение, принять русско-советского-еврейского человека, истосковавшегося, бедняжечки, по работе, по деньгам, по домам, по шмоткам. И всё удивляюсь, как они без "нас" обходились? Загнивали...

Меня, например, два дня назад повысили - теперь Диночка "Эксон" спасает. Я не помню, писала я Вам или нет, что меня перевели в отдел геофизики, где я не только по-английски, но и по-русски ничего не понимаю. Однако я ухитрилась так хорошо преподнести свои первые результаты изучения прохождения, отклонения и отражения звуковых волн в разных средах, что получила премию и взошла на первую ступеньку повышения. От удивления и старания даже похудела, взад и вперёд бегаю по всем нашим русским сотрудникам - собираю знания. У меня есть незримый институт.

Есть среди нас и хорошие поэты. Иосиф Бродский на днях по телефону свои стихи читал, и хоть я на слух не так хорошо воспринимаю, но Яша быстро схватывает точные строчки. Какую глубокую

статью написал Иосиф про Надежду Яковлевну - красиво, умно, элегантно и по-английски. Может, до Вас дойдет? Я сделаю так, чтобы дошла, осенью человек один поедет надолго и, может, привезет? Как пишет Иосиф: "Н.Я. - вдова века"... Я не буду пересказывать, потому как лучше прочесть в подлиннике. Нет-нет, да попадётся что-нибудь умное. Приятно в руки взять произведения и статьи Лёши Лосева⁴¹, он так хорошо развернулся в Америке, но его христианские симпатии подвергаются нападкам со стороны вновь испечённых иудеев. "Кто Вы, доктор Лосев?" - спрашивают его в газете. Он-то понятно кто, - умный человек, а вы-то кто?

Яша тоже разразился красивой статьей про живопись. Он тоже умный. Статья называется "Живопись как процесс и результат". Она большая, и мы думали, что из-за огромности ее не возьмут в журнал, но на днях парижский фешенебельный, снобистский журнал на английском языке "Леонардо" принял ее к печати. Яша рад. А тем временем другой американский журнал заказал статью про Яшу своему корреспонденту, который к нам приехал и беседовал четыре часа с Яшей, и

осенью выйдет статья с фотографиями. Яшины картины стали ни на что не похожие - как абстрактные иконы.

Яша думает статьи про мир написать, про то, про се, хочет "музыку сфер" услышать - расшифровать земные слои, чтобы они запели. У него большие планы - про инфантильность, про происхождение нефти и людей. Он как-то людей хочет с нефтью связать. Я могу связать их только деньгами: чем больше у человека нефти, тем он приятнее.

Сейчас Яша поехал покупать присасывающий стол для печатанья своих творений в большом количестве (и я тем временем пишу письмо на работе).

У меня тут, наконец-то, подружка⁴² нашлась - тоже очень умная, что большая редкость не только среди мужчин, но и среди женщин. Она с 18 лет жила в Израиле, приехала из Москвы, здесь ее муж работает после защиты докторской математической диссертации. Ее зовут Наташа, ей около тридцати лет, она журналистка и работала на израильском радио. Любит Израиль, Иерусалим и понимает про Страну. В ранней юности она была сионисткой -

идеи ее захватили, а сейчас идеи прошли, а осталась только любовь. Тот, кто любит одну страну, он научается любить и другую. Таких людей, как Наташа, я встречала мало, которые бы так любили Израиль, и не презирали бы тех, кто проехал "мимо". Наш приехавший человек часто не может там приспособиться, страна оглушающая, горластая, можно сказать, антирелигиозная (Яша слово "Израиль" разрешает употреблять в редких случаях и сердится, когда я болтаю лишнее) и оттуда теперь больше уезжает, чем приезжает эмигранта. Люди мечутся по свету в поисках своих выдуманных идеалов, не понимая проблем внутри себя.

Я в свое время тоже была "большой сионист", прошла через сионистско-советско-комсомольские взгляды и даже была зачинщиком и лидером в Ленинградском университете, бушевала и за правду боролась, с "флагом" ходила, цветы носила и песни пела. Мой отец хотел, чтобы я власть захватила, чтобы в Смольном управляла. Но он плохо меня воспитал (так сказали), и я бросила хождение, флаги, цветы и теперь езжу по американским "фривеям" и смотрю на американские флаги.

Последнее время меня разволновали вопросы феминизма, правда, в обратную сторону, - я стала считать (как аятолла Хомейни - всех под чадру) : тут женщины много власти захватили. И командуют, и командуют, и я посочувствовала мужчинам, как всё-таки страшно попасть в оборот. Я смотрю и вижу, как изощрённо женщины выращивают чувство вины у мужчин и как потом пользуются мужской виноватостью.

Мне хочется написать потом книжку про любовь, показать двойственность женской натуры: любовь - презрение. Наконец-то я поняла слова: "Да, убоится жена мужа своего!" Мне теперь кажется, что это слово "убоится" вмещает в себя не то, что муж жену побьёт, а глубокое уважение к мужу, к таинству брака? К сожалению, я почти не встречала, чтоб жена мужа "убоялась", потому так все разгулялись на свободе (в данном контексте я имею в виду внутреннее презрение, а не панель). Здесь особенно это видно, женщинам проще приспособливаться на жёсткой платформе, они более жизненные, витальные, быстрее устраиваются на работу, и тут уж мужику не поздоровится. Теряется смысл женского существования - возвышать мужчину: возвышать, оказывается, нечего.

Многое высвечивается, или потому что повзрослела, или потому что пограничные ситуации, или в Америке всё видней? Но чувствую, что прихожу в сознание.

Отец Александр, я Вас тоже боюсь, почти как Яшу, потому что Вы мне нравитесь. Я шучу и Вас обнимаю.

Пишите нам всегда.

Дина

Моя книжечка в печати, в середине апреля будет готов набор, а потом и рисунки.

[1981]

Дорогая Дина!

Поздравляю Вас, Яшу и детей с праздником Пасхи.

Мы, конечно, от души посмеялись и повеселились над Вашим письмом. У нас нет таких забавников и нет материала, чтобы так всё описать, но есть и свои юмористические стороны жизни. Особенно хорошо Вы описали бобруйских. Наташа моя не налюбуется на календарь. Вопреки Вашим ожиданиям он дошёл по почте невредимый. Я, кажется, уже об этом писал, но, может быть, хотел, люблюсь и я. Приятно иметь перед глазами хорошие пейзажи, так снятые ловко.

Относительно умственных способностей буржуазных людей, то я давно имел подозрения, что, в общем, всюду похоже.

Надеюсь скоро поздравить Вас с книгой. Но так и не понял: она по-русски? Якову также желаю преуспевать в меланхолическом и поучительном занятии - отождествлении человека с нефтью. Только её мало, а нас многовато. И если б она так легко воспроизводилась!

У вас тепло, а у меня ещё много снега. Земля открывает свою плоть, ожидая, что я начну трудиться над ней в поте лица.

Жизнь течёт быстро и бурно. Но жаловаться не приходится. Время у меня сейчас напряжённое, как всегда перед Пасхой, когда много народа. Дома почти не бываю. Но это искупается красотой этих дней. Они как бы символизируют всё наше духовное бытие. Как Он умирает и воскресает, так и Церковь

**время от времени идёт к упадку, а потом снова
возвращается к жизни. Не забывайте. Ваши
письма для нас всегда радостны.**

Обнимаю

Ваш о. Александр Мень

[1981]

Дорогой отец Александр!

Здравствуй!

Не знаю даже с чего начать мой ответ на Ваше летнее письмо, то ли с Парижа, то ли с Израиля, то ли с впечатлений от Вашей книжки, которую только что прочла. Я люблю читать хорошие книги и списывать оттуда в свои.

Книжечку "Илюшины разговоры" уже прикончила и пустила по рукам. Первый вариант я давала Яше для прочтения, ему не понравилось моё сочинение, и он сказал, что я должна отдать Илюшины высказывания в архив Русского института, что в книге много соплей, что я ещё не готова писать серьёзные книги, а должна учиться писать - читать Гоголя, Достоевского, набираться опыта. Я так обиделась, что вправду начала учиться, читать серьёзные книги, думать над фразами и словами и выбрасывать все ходячие истины, всё, что обычно, не

оригинально - "убирать сопли", становится писателем. Долго я с ней возилась, переделывала, перекраивала и написала заново, и вот последний вариант Яша одобрил. Многим людям тоже нравится, и даже таким "партийным" товарищам как Максимов, который даже хотел пропечатать кое-какие отрывки в своем журнале. Я пока не согласилась - журнал боюсь улучшить. Просто выпадает мое творение из общей направленности журнала - ругани Запада и Востока, крокодилов и носорогов. Думаю, что и Вам передам как-нибудь.

Очень, правда, плохо обстоят дела с передачами. Мой хваленый потомок звонаря в "Колокол"⁴³ уклоняется от знакомств - связан работой. Американцы еще и больше наших запуганы. Даже шмотки не мог передать, и я уже не могу настаивать. Но что-нибудь придумаю.

Париж в этот раз закрутил нас в своем очаровании, теплый, родной, дождливый, ночной, люди по улицам ходят, в кафе сидят с утра и до утра. Дорого там, правда, расплачиваться. Париж поразил своей дороговизной - раза в четыре все дороже, чем в Америке. И мы были несколько смущены подобной разницей. Жили мы в шикарном отеле "Хилтон", но

за счет "акулы империализма", так как Яша, как я писала, пробился на международный конгресс. В первый вечер Володя Марамзин нас повёл в ресторан "Козья нога" где-то в два часа ночи. Подъезжаем, смотрим: Иосиф Бродский, небритый и замученный, тоже ночью кушает с "прощайте, мадмуазель Вероника", которая довольно быстро со всеми попрощалась и ушла. Надо сказать, что по стихам я её покрасивее представляла. Но так всегда. Яша мне давно запретил говорить гадости о внешности других женщин (посмотри на себя!). Самое большее, что мне разрешается, - сказать: "своеобразная", так вот она оказалась довольно своеобразная лахудра. И мы всю ночь "ужинали" вчетвером под звёздами Парижа. Я при поддержке Иосифа "прошлась" по Израилю (мы оставили там детей на простое у Яшиных родителей). Хоть Яша мне не разрешает ничего болтать про Израиль и про Солженицына, но я все-таки сказала, как обидно на фиолетовой святой земле видеть социалистические призраки. Я ещё раз убедилась, какой Иосиф свободный и умный, потому как мы с ним "слились в экстазе" и составили дуэт. Пили вино прямо на улице при месяце со звёздами. Спать легли в семь утра.

В перерывах между обедами, встречами, ужинами сбегали на конгресс, где Яша успешно докладывал про поиски нефти, правда, нефть пока ещё не нашёл. Виделись с родными посланцами - делегацией из Союза, так навидались, что не захотели ехать в Москву на следующий конгресс в 1984 году. От страха и ужаса некоторые знакомые потеряли сознание. Директор института, где Яша работал, чуть не получил инфаркт, когда увидел Яшу. "Здравствуйте А. П. - Я - Яков Виньковецкий! Вы меня узнаете?" Тот задрожал, глаза спрятал и пятясь назад стал бормотать: "Не очень.. узнаю. Не... очень узнаю!" Я ему говорю вслед: "Мы хотим Вас поблагодарить, что мы здесь" "За... что?! За... что?..." бессвязно бормотал директор и - бежать от нас, причём задом. Никакого подобия уважения себя. И хотя кое-кто из русских геологов не терял достоинства и две-три минутки выдерживал, но мы внезапно поняли, что никогда мы не должны туда ехать - всё, нельзя оглядываться, превратишься в соляной столб, что утеряно - то утеряно. Никакой сладости от общения не будет ни с друзьями, ни со знакомыми, ни с родными, и уже тем более с незнакомыми. Между нами океаны и континенты непонимания, раздражения, зависимости,

восхищения, зависти - всего, чего хотите. Я так хотела приехать, повообразить, мол, как бы американка, и внезапно я увидела, что это глупость. Только слезы я увезу с собой и только слезы я там оставлю. Мы-то уедем, а люди-то останутся. Больше нам не войти в те улицы.

Даже с теми, кто живет в других странах, бывшими "нашими" и то трудно общаться, мы - как бы жирные американцы, и так неинтересно, что приходится "защищать" Америку. Кругом Аятоллы. Для многих Америка - символ зла, в этом есть что-то для меня еще непонятное, но я чувствую, что это несправедливо. Может быть, американцы и не создали духовной культуры, но они создали самые лучшие жизненные условия и Декларацию прав человека. Принимают людей из всех стран, и никто себя тут не чувствует чужим. Видимо, есть какая-то врожденная (?) склонность людей к тоталитаризму, отказ от свободы и ненависть к ней. Ой, простите меня, сама не знаю, что хочу сказать, тут тоже не рай. А где он? Я ведь сейчас книжку стала писать про Америку - хочу сказать ей "спасибо", что приняла нас Америка. Представляете, что будет за книжка, если автор ничего ещё не понимает?! Мой сын Илюша назвал эту книгу: "Америка глазами слепого". Я

полюбила Америку, и пока у меня есть любовь, я хочу написать. Особенно залюбливаешь Америку после других стран. Во Франции тоже балуются социализмом и всеми идущими отсюда последствиями. Там уже всё национализировали, например, их авиалинию, и во французских самолетах теперь есть стюардессы не дают, а получаешь сухим пайком при входе в самолет... А уж про Израиль и говорить не приходится.

Повидались в Израиле с Анри¹⁹, одиноко блистающем на Тивериадском озере. И он так в сердцах сказал: "Никогда не думал, что евреи такие глупые!" На что я ему ответила: "Что же тогда про русских думать, если на их фоне евреи умными казались?!" Покритиковали.

Анри от безобщения, и видимо, от гордыни (Яше не говорите) пишет совсем заумные книжки, просто ничего не понимаю в его умничании и даже не могу трех страниц прочесть в его новом романе "Покойничек" - неинтересно, хоть и "очень умно". А можно, я еще раз похвалю Ваше творенье? Я наслаждалась и даже кое-что узнала про историю. Редкие книги мне доставляют столь огромное удовольствие. Ведь эту макулатуру, которая сейчас заполнила все журналы и прилавки, открыть не могу

- тошнит. Сейчас столько писателей развелось, один одного бездарнее и глупее, что куда ни посмотришь - каждый мнит себя гением. Слова-то даже обесмыслились, поблекли, обессилились от всеобщего употребления.

А уж как Солженицын набаловался?! Что же про народ-то думать? Раз писатели-то не отличаются ни блеском, ни глубиной.

И только Вы среди тех, кто спасает нашу человеческую и писательскую репутацию.

Я Вас обнимаю.

Дина

[1981]

Дорогая Дина!

В который раз Ваше письмо заставляло нас грустить и смеяться. Из Вас бы вышел весьма ядовитый репортер (не все еще потеряно) или эссеист. Так и представил я себе все те многообразные, но однообразные в своей глупости круги, которые Вам пришлось обойти. Даже та основательность, которая обычно характеризует "конец века", исчезла. Один прах и пыль... Жалкие перерождения и порождения.

Но за Вас все равно рад, что вы оба и все вместе благополучны (это я вычитал между строк и, надеюсь, не ошибся). Кроме того, что выбитость из седла и среды болезненны,

многие просто прятали свое убожество, и вот оно явилось во всей красе.

Ари я очень люблю, но признаюсь (тайно), что сам ничего не понимаю в его произведениях. Он недавно прислал мне на отзыв один свой очерк на интересующую меня библейскую тему, и я до сих пор не ответил. Просто в тупике. Впрочем, это его стиль: он и раньше так писал. Относительно же моих писаний, то, наверное, в Вас говорит больше дружеское расположение (и некая общность духа).

Наша жизнь, несмотря на все обстоятельства, идет по прежнему руслу.

Закончил последний том истории религии, написал комментарии к Новому завету и т.д. К злобе дня это, кажется, не имеет отношения, но злоба дня пролетает, как сенсация на Западе. Неинтересно как-то. И главное - все одно и то же. Та же глупость и нелепости и нежелание понять, учесть,

осмыслить то, что было испытано. Видимо, во всех местах, под всеми звездами мудрость столь же редка, как золотые крупинки, как подснежники ранней весной. Но все-таки дух делает свою работу, незаметно, чтобы медленно осуществлялся Замысел. Он есть и зреет - вопреки тупости людской.

Всегда рад буду Вашим письмам.

Привет Якову. И детям, которые, наверно, уже огромные (прислали бы Вашу семейную группу).

Храни Вас Бог.

Ваш о. Александр Мень.

11 ноября 1981
Хьюстон

Дорогой отец Александр!
Здравствуйте!

У нас наступила как бы осень, и пришло Ваше красивое письмо. Время во всей Америке перевели на зимнее, но растения в субтропиках Хьюстона всегда вечнозелёные и никаких зимних признаков. У нас во дворе есть "своя" нестройная пальма с веерными листьями, такая, как в России росли в кадучках в оранжереях, только намного больше. Пальма нашего двора прикрывает свои цветки кроющими листьями, а плоды блестящими чешуйками, и не понять, какое на дворе время года. Тут всегда избыток солнца, как на празднике.

Иногда вместо "жареных поросят" падает тропический дождь, но быстро-быстро выходит солнышко, небо всегда синее, и это создаёт праздничное настроение. Кроме пальмы, в нашем

бэжарде-дворе есть одно большое разлапистое дерево, не знаю даже какой породы, кажется, эвкалипт, с мелкими бронзовыми листьями, в его кроне целое лето дребезжат цикады. Даничка на его ветках устроил гнездо и играет там со своими друзьями. В Америке при домашних садах часто попадаются уже встроенные детские "гнезда" на деревьях, чтоб люди не забывали о своём происхождении.

Дома в Хьюстоне возникают быстро и в самых неожиданных местах - никакого "ансамбля" нет, кто где хочет, тот там и строит, поэтому город похож на гигантскую строительную площадку, но не в российском смысле, а в американском, т.е. кругом чисто. Этот город странный: пространства с хрустальными небоскрёбами и жилыми домами. В этом космическом городе не увидишь ни трамвая, ни троллейбуса, ни пешехода. К такому образу неуютного и неочаровательного города нужно привыкнуть. Привыкаю ли я?

Поразительно устроен человек, "до какой чудовищной степени приживив" - мне иногда кажется, что не было той жизни. Была ли и вправду та жизнь? Был какой-то сон "бессознательного", а

вот сейчас я живу, наверное, потому, что я себя здесь открываю, прихожу в сознание и поэтому я люблю Америку, Нью-Йорк, даже Хьюстон? У меня интимное отношение к Америке, где отыскала я свой приют. Но я не позабыла "той жизни", просто боль притихла. "У всего есть предел, в том числе у печали." Мне кажется, что в России я так бы и осталась на закоряченном своем уровне, - какие-то застывшие связи, бессмысленные отношения, обязанности, в которые я была прочно вплетена. Почти невозможно строить новые отношения с теми людьми, которые тебя давно знают. Все реакции с ними механизированы, на тебя уже надет колпак, и весь ты в зависимости.

Два дня назад у меня были проводы голенького Аполлона - К. К. Кузьминского в Нью-Йорк. Он переезжает жить в Нью-Йорк. Костя работал в Остине в "Институте русской культуры" у Джона Боулта, но рассорившись с поэтами, которых он включил в свою "Антологию" без их согласия и разрешения, - подал в отставку. Отставку, к его неожиданности, Джон принял... и он уезжает.

Кузьминский уже выпустил первый том "Антологии" русской поэзии, многим людям очень

нравится - Анри такой восторженно-восхитительный отзыв написал - мол, эпос... и т.д. Мне же кажется, что мелкие пакости уже там просматриваются, ну, а во втором Костя развернулся уже большими гадостями, что даже издатель испугался (если можно так выразиться) и пока отложил издание. Костя разошёлся в своём новом томе, "ахматули" назвал поклонников-поэтов А.А. Ахматовой, которые себя обозвали "Ахматовские сироты". (Бродский, Рейн, Найман, Бобышев). Я посмеялась над его стихами: " Гули, Гули, четыре ахматули, играли в були-були..." Сорокалетние мальчики в коротеньких штанишках и в сопельках, которые им А.А. вытирает... и если бы на этом остановился, то было бы еще ничего, но он дальше пошел в своём злоязычии. Яша его старается остановить. Конечно, можешь ругать кого хочешь, но нужно знать, что получишь сдачу. Костю губит инфантильность. Яша давно собирается написать статью про инфантильность и всякие интересные мысли по этому поводу высказывает. Вдруг увиделось, что человек в своей жизни все время должен преодолевать инфантильность, иначе он не откроет мира. У женщин это качество менее заметно, видимо потому, что они рожают детей и изначально знают, что существуют и другие люди. С мужчинами

это по-другому. Этот жёсткий человеческий мир с множеством потерянных гениев требует еще больше сил и ума, чем казалось и чем было достаточно "там". Там - прошел в кожаных штанах и ты уже герой - все смотрят. А здесь - идешь голый и никто внимания не обращает, иди себе и иди...

Наш Костя изображает из себя жертву и ответственность за свою судьбу сваливает на обстоятельства. Ругает Америку и американцев почём зря. И это наша болезнь, в той или иной мере ею заражены многие иммигранты, это вообще общечеловеческая слабость, но в критической ситуации - переезда - это усиливается. Как трудно брать ответственность на себя! И хочется сказать, что... Америка плохая... А ведь Костя, как никто другой, был приглашен профессором, преподавать русский язык, почти сразу по приезде в Америку, но стал придуриваться и читать лекции о себе в русской литературе, и с ним контракт не продлили. Да ещё в хитоне!

Ой, у нас таких много "мальчиков в коротких штанишках" бегают, суется, кричат, создают, издают... И пустота получается. Господин Глейзер - яркий пример шепутного "искусствоведа". "Я и

авангард". А сколько у нас газет развелось? "Новый американец" у нас расстроился, из него родились три газеты... "Новый свет", "Новая газета"... Каждый не хочет слушать, что другой говорит, а себя всем приятно выразить... Правда, есть среди нас умные и даже среди диссидентов, Буковский умным человеком мне показался. Читаю его записки про Запад, так хорошо написал о свободе, о ценностях там и тут. Когда его обменяли, то он, не зная про это, все свои "ценности" собрал в вещевой мешок - половую тряпку, кусочек карандаша, теплый шарф..., оказался в аэропорту в Западном Берлине... и все ценности в секунду потеряли ценность. Половая тряпка стала половой тряпкой.

Продолжаю
19 ноября 1981 г.

Вчера произошло неожиданное открытие: открываю книжку "Россия в фотографиях Сычева" и вижу: Ваш красивый портрет. Я сразу же купила эту книжку - довольно внушительное произведение -

острое, красивое, злое. От ностальгии хорошо вылечивает.

А Вы просто неприлично там красивы, и мне теперь письмо трудно Вам писать - образ красивого мужчины затмевает все мои мысли. Я - хохотушка и я, конечно, шучу, но я тоже решила послать Вам свою фотографию. Эта фотография будет на задней страничке обложки со смешной автобиографией, где я пишу, что главным жизненным достижением считаю свое замужество. И это истинная правда - иначе не было бы ни Илюши, ни Данилки, ни книжки, ни диссертации. Книжка серьезная, и на фотографии тоже задумчивый взгляд. Всех ввожу в заблуждение относительно себя. И на самом деле посмотрю на себя и удивлюсь: как уживается во мне хохотливость с серьезными мыслями? Я знаю, пожалуй, только Анри, у которого тоже это вместе. "Вы от скромности не умрете", - сказали мне наши обысканты, и они были правы. Я умру от хохота - ведь смех переживёт меня. Вот как я развеселилась, глядя на Вашу фотографию, в городе Хьюстоне, в книжном магазине во время ланча, куда я случайно зашла, чтобы купить календари и послать своим знакомым в Россию.

Ваши письма меня вдохновляют - они такие красивые, просто как Вы на этой фотографии. Я опять хулиганю, шучу и радуюсь, что мир един и что здесь в магазине продается Ваша фотография. Вас должны в Голливуд позвать. Простите меня. Я Вас обнимаю.

Дина.

Февраль 1982

Дорогая Дина!

Долго не писал Вам. Сначала был в больнице, но когда благополучно оттуда вышел, немного простыл, а потом умер отец Наташи (моей жены). И так одно за другим. Суета и пр.

Нравится мне, что Вы с таким восторгом говорите о климате и прочем. В сущности, мы чаще брюзжим, а потом, вспоминая, вздыхаем: как было хорошо! По банальной пословице: "Что имеем не храним..." А жить-то надо сегодня.

Непонимание этого - форма неблагодарности. Ни прошлое, ни будущее нам не принадлежит так, как настоящее. Как писал

Пастернак: "Себя и свой жребий подарком бесценным твоим сознавать". Как бы причудливо ни складывались судьбы, во всем есть смысл, если только мы захотим его понять и найти. Жаль мне, что наши странники обнаруживают такую мелочность. Одно из главных правил жизни: не смотреть в микроскоп. Знаете: в микроскопе можно увидеть самых страшных бактерий, которые живут рядом с нами и до поры до времени - мирно. Жить крупно - единственное, что достойно человека. А тут такая вермишель... От этого и инфантильность мужчин, о которой Вы пишете. Зарылись в собственных мелочах, в собственном микроскопическом (по сути дела) самолюбии и пр. И самообмана - гора. Если бы... если бы... я бы... Близость к смерти должна отрезвлять. Я это не о том, что недавно хоронил. Я часто вижу покойников. Но и без этого ясно.

Нужно только целительное "мементо мори", которого западные, кажется, немного боятся.

Как Ваша книга? Как Яков и надменные потомки? Жду хоть краткого описания: Ваши "отчеты", как у Джерома.

Обнимаю вас всех.

Ваш о. Александр Мень.

[1982]

Дорогой отец Александр!

Сто лет Вам не писала. Мы были в отпуске - путешествовали по Америке и даже на один день заехали в Мексику.

Сначала я расскажу Вам про одно событие, которое произошло перед нашим отъездом в отпуск. Как я Вам уже писала, тут в Хьюстоне есть капелла Родко - храм всех религий, увешанный полотнами художника Марка Родко, которые через пять минут смотрения начинают шевелиться, оживают, наверно, так йоги смотрят на стену и медитируют, а тут даже простой "не йог" тоже может "улететь в астрал", глядя на эти картины. Денюжки на это сооружение дала Доменика ДеМиниль, тутошняя меценатка и, видимо, замечательная женщина, потому как она придумала выдавать "премию Родко" людям, которые борются за права человека и за добро.

Нашла, куда деньги потратить - на уменьшение зла.
(И среди миллионеров бывают хорошие люди!)

Нам внезапно позвонил Павел Литвинов, который приехал получать эту премию за Елену Великанову, и пригласил нас на торжественное вручение премий в этой капелле Родко. Я, кажется, первый раз в жизни видела такое скопление добрых, хороших и умных людей из всех стран. Первой выступила Доминика Доминиль (она вдова, француженка, наследница громадного состояния, коллекционерка живописи) и кратко представила тех людей, которым она выдаёт премию и за что. Она задала тёплый и дружественный тон. Первым награждался индейский вождь, величественный и гордый, просто как из фильмов про индейцев. Он окончил Гарвард и борется за права индейцев, у которых правительство отбирает землю. Этот индеец сказал: "Бабушка меня учила: "Мёртвая рыба плывёт по течению. Будь живым!" Таки он живой и восхитил меня. Вторым был награждён африканский царь - философ, мудрец. Он вышел в роскошной тоге, украшенной золотым орнаментом, под звуки тамтамов, бубнов и трещёток. Этот царь просвещает людей в своей Африке, чтобы они отдалённо напоминали человекообразных, проповедует идеалы

добра. Был награждён человек, который организовал школу для одарённых детей в Гарлеме, сам белый, профессор, и вот..."директор школы для чёрных детей". Муж и жена - психологи, доктора наук, тоже получили эту награду. Они работают в тюрьме с особо опасными преступниками, из 18 убийц, которых они "воспитывали", только один снова попал в тюрьму, а остальные освобожденные стали им как братья.

Я сидела там, и мне казалось, что и на меня падают лучи этих замечательных людей. Далёкие и прекрасные миры картин Марка Родко вступили во взаимодействие с духом, находящемся в этом пространстве, и показалось то, что стоит выше континентов, идеологий, наций... светящееся добро. Воздух был пронизан осознанием главных вещей, я увидела то, что объединяет людей. Никогда я не испытывала такого ощущения. Может, так было в раю?

Наградили аргентинских матерей, которые молча стоят перед президентским дворцом. Там исчезают их дети, родственники без суда и следствия. Людей хватают прямо на улице. Правый фашистский режим. Матери в тёмных траурных одеждах безмолвно требуют только, чтобы их детей открыто

судили, а не таким террором. Наградили одного журналиста из Южной Африки, он сидит в тюрьме, за него говорил его представитель. Из наших наградили Елену Великанову и литовца Балиса Гаяускаса. Наши тоже по тюрьмам, и их представляли Павел Литвинов и Томас Венцлова⁴⁴. Хорошая у наших компания - Южная Африка.

Даже сейчас, когда я описываю этот вечер, мне становится приятно, что есть в мире "крупницы добра", как Вы мне как-то написали.

По Америке мы путешествовали на машине с палатками и спальными мешками. У нас громадная машина, и с нами ездили ещё два наших друга - холостяки из Остина (думаю, что они долго теперь не женятся, посмотрев на нашу семью). Один, Илья Левин - наш друг ещё по России, он учится в аспирантуре в Остине, другой - знакомый Вам по моим письмам, Джон Боулт, профессор, специалист по русскому авангарду, и его собака Лорд Чернян. Мы перво-наперво поехали на границу Мексики, вернее, съездили в Мексику пообедать, оставив машину на границе. Мы взяли такси и через пять минут были в Мексике, где сразу же повеяло итальянским, израильским, ливантйским духом,

ленью, смешанной с тёплым воздухом. Мусор и люди на улицах, пыль и лавки - торговля. Машины несутся, как бешеные, люди бессмысленно слоняются, оглядываются, глазают, пристают: купи, купи. Только переедешь через реку Рио-Гранде, и ты в другой цивилизации с другим запахом и другими звуками. Небольшой заезд в Мексику вызвал столько ассоциаций и нахлынувших воспоминаний. И почему так?

Потом мы вернулись в Америку и отправились в национальный заповедник Биг-Бэнд на границе с Мексикой. Ехали несколько часов через безлюдную пустыню с кактусами, стоящими, как колонны и как канделябры. Попадались даже летящие и цветущие кактусы, выглядевшие, как горящие факелы. После того как мы проехали этот своеобразно экзотический, но тоскливый ландшафт, застывший и неподвижный, то оказались в оазисе с бегущей водой, с шевелящимися соснами и живыми горами. Сразу нашли "кэмпграунд" - место, где ставятся машины, палатки, движущиеся дома. В этих кэмпингах есть всё: еда, души, бассейны, грилы-печки для жарки и варки. В самом центре Биг-Бэнда был шикарный ресторан, со всех сторон стеклянный, с видом на горы, в этом ресторане мы завтракали. Два дня мы

простояли в Биг-Бэнде, покупались в мутной-премутной воде Рио-Гранде, повалялись, распарившись, в грязи её поймы и поехали на север к нашей конечной точке Гранд-Каньону - одному из десяти чудес света. К Гранд-Каньону мы приехали на закате, от страха я и пёс не могли подойти и посмотреть вниз. Лорд Чернян стал так дрожать, выть, вцепляться Джону в штаны, что его пришлось отвести в машину, и я вместе с ним тоже отошла от чуда света. Это чудо поразительно внезапно: едешь, всё гладко-гладко - плато, и вдруг - преисподняя, провал прямо до мантии. Голова кружится от чудопредставления и бесконечности. На следующий день я уже чуть ближе подошла к кромке, взглянула на мистические скалы, идущие вниз, но долго так и не могла смотреть на уходящую вниз перспективу. Мы поехали на Глен-Каньон - продолжение Большого Каньона в Юте, но заполненного водой, арендовали лодку и поплыли. Тут нам всем пришлось признаться, что ничего подобного в своей жизни никто из нас не видел и представить себе не мог такой неземной красоты. (Чуть-чуть сродни Хамардабан с озером Байкал, где я была в экспедиции.) Мистические холмы, фиолетовые, красные, малиновые, как храмы, то

буддийские, то готические с арками, переходами, куполами спускаются к синей-пресиней воде с рыбами. Как написал Иосиф Бродский Яше, "в Америке две достопримечательности: Нью-Йорк и природа." Одну достопримечательность - "Нью-Йорк" я Вам описывала, а вот и вторая. Вся страна Америка чистая, красивая, едешь - где-нибудь в Тьму-Таракани стоит заправочная станция и в ней всё необходимое есть и пить, и всё чище, чем в центральных барах Парижа. В Париже такие же грязнули, как русские, в сравнение с американцами по чистоте никто не идёт. Кто-то в ненависти к американцам сказал: "от них даже ничем не пахнет." Нам роднее, когда пахнет.

Наши дети наконец-то пробились в ту лучшую школу города Хьюстона, о которой я Вам писала. Купили билет на образование, теперь только мы должны за них платить такие деньги, что говорить не хочется. Данилка стоял в очереди год и теперь его "отобрали" во второй класс. Как определяли способности маленького ребёнка? Ему дали текст для быстрого прочтения и быстрого ответа на вопросы по этому тексту: какого цвета ходила корова по лугу? с кем она прохаживалась и что делала? Был

задан семилетнему Даничке и такой вопрос: что ты нашёл в жизни? (Такие странные вопросы задают семилетним детям). Он написал, что "в Йеллоустонском заповеднике я нашёл череп", правильно написав "Yellowstone". Расшифровывал он ещё и картинки, проверяли разные способности и агрессивные инстинкты. Даничка получил сто процентов отвечаемости-"интеллектуальности". Илюша, старший, наш философ, не мог вспомнить из прочитанного текста ничего - ни коровы, ни верблюда, и "по интеллекту" приблизился к макаке, получив двадцать баллов "коэффициента интеллектуальности" и вежливый отказ никогда больше и не пытаться подходить к этой школе. Исстрадались мы вместе с Илюшей, и решили, что Яша встретится с директором по приёму и расскажет, какой Илюша удивительный, что у него другой способ мышления и что про него мать книгу пишет. Так и сделали. Директор предложил, выслушав Яшины доводы, определить Илюшу в летнюю школу на просмотр и оценку. При личном общении Илюша очаровал учительницу, через две недели она позвонила и сказала, что безусловно будет рекомендовать Илью. Особенно её поразило его сочинение про Отелло. Послушайте, что написал

мальчик в тринадцать лет: "Отелло не любил Дездемону, потому что любовь - это вера. А он ей не верил и не любил." Одним словом, вера с любовью помогли Илюше войти в эту школу, которая из "вонючей" превратилась в самую желанную для Илюши.

Яша из Анн Арбора привёз книжку старца Силуана, которая мне понравилась. Слышали ли Вы что-нибудь о ней? Я Вам пришлю копию в конце сентября.

Помолитесь за нас.

Дина.

[1982]

Дорогая Дина!

Наконец-то снова мы получили удовольствие, читая Ваше письмо. Впрочем, интуиция подсказывала, что молчите не потому, что что-то не в порядке. То, что Вы описали о премии, меня поразило. Действительно, какая это сейчас (да и всегда) редкость! И как хорошо, что такие оазисы существуют и что "свет во тьме светит".

Один современный теолог ввел термин "анонимные христиане" для обозначения всех людей, которые практически, в жизни осуществляют Евангелие, подчас не зная о нем. Идеологический ярлык мало что значит. Моим молодым друзьям это не всегда понятно.

Всем так хочется разделять на "свой" и "не-свой" по ярлыкам. Но, как видите, в натуре все сложнее...

По-прежнему Ваши письма самые насыщенные и живые. Прочие - большей частью стонут. Плохо люди прививаются на чужих местах. Хочется верить, что наш век принесет в будущем плоды, хотя, как поглядишь, то мы еще пещерные люди, питекантропы какие-то.

"Волна" о себе мнила много", а оказалась мутной волной. Да и ждать иного было трудно. Главное осталось не изжитым, сменили только этикетку.

А Мексику Вы здорово описали : два слова - и все ясно. Смешно: вот когда и при каких обстоятельствах открыли в себе писательницу. Впрочем, читая письма, об этом можно догадаться.

А вот - другой вопрос: почему у мексиканцев так? Ведь рядом - другая жизнь.

Порядки? Но, ведь их создают люди. Раса? И ведь мексиканцы - наполовину тоже выходцы из Европы. Да и что такое Европа, чтобы все у нее было лучше? Быть может, дело в устоявшейся вере, вере в широком смысле как бессознательном жизнепонимании, которое проецируется на все - культуру, цивилизацию. А уж сама вера коренится в чем-то внутреннем. И здесь тысячи вопросов. Почему у древних мексиканцев были такие жуткие культы? Ведь они не хуже других.

О себе мне трудно писать - мало внешних событий, достойных описания. Я живу, или стараюсь жить так, как кончил герой "Кандида". Но это лишь внешняя сторона. Копаюсь, собираю картошку на зиму, тружусь с народом, пишу.

Сейчас внучка уехала, а то весь дом стоял на голове (она "вождь краснокожих"), и дома опять относительная тишина. Я ее принимаю

как драгоценный дар, потому что дни свободные редки, а дела берут все силы.

Часто о Вас думаю и желаю, чтобы солнце Вам светило.

Большой привет Якову, рад его успехам, а также юным американцам.

Храни Вас Бог.

Ваш о. Александр Мень.

[1983]

Дорогой отец Александр!

Ваша открыточка пришла, и нас порадовала - не все связи обрываются, хотя все труднее и труднее общаться. И как сохранить возможность иногда разговаривать с Вами?

Что же у нас происходило и происходит? Вы не поверите, я теперь - "американский физик"! Как Яша скажет мне это: "Дина - ты американский физик", - я начинаю хохотать. Оппенгеймер! Это, правда, смешно. Америка невероятно долго искала нового экспериментатора, чтоб не знал ни физики, ни английского. И вот нашли, наконец-то! И более того, повышают, потому как все мои выводы из экспериментов всем понятны, без всяких там новшеств, идей; чем тривиальней вывод, тем он более перспективен для человека (под этим словом я себя сейчас имею в виду) и для всего человечества.

С этого Нового года меня, после работы над прохождением акустических волн в разных средах, назначили на уникальный эксперимент. Институт приобрёл сверхфантастический прибор - квантиметр - электронный микроскоп, связанный с компьютером, с Луной и с квантами... Этот прибор фиксирует тончайшие проникновения лучей: лучи, направленные на чёрные дырки, имеют одну скорость пробегания, а на светлые пятна - другую, и я должна определять насыщенность светом. Свет и тень мелькают, бегают, скачками, импульсами, и я гоняюсь за этими незримыми квантами. На фотографиях раскладывается и считается пористость, проницаемость всех пространств и Вселенных. Думали... искали... кто же в Америке на таком приборе может трудиться? И нашли (три года искали, правда) - Диночка, потому как ничего не знает и как бы всё знает - и физику, и геологию, и компьютер видела... А дело обстоит так: у меня ведь, как я Вам писала, есть незримый институт, какого нет ни у одного сотрудника. Я не стесняюсь своего незнания, обращаюсь к самым блистательным учёным и каждый может оставить руины своего ума на "моих квантах", и "незримый институт" мой состоит из самых изысканных специалистов. Яша -

профессор всех наук, физику прекрасно знает наш один друг Лёня Перловский⁴⁵, который тут работает, он блестящий физик, защищался в Дубне на элементарных частицах; Гоша Миркин³² - инженер-конструктор, автор моей экспериментальной установки и двадцати патентов, может сконструировать всё на свете. Яшин старинный друг Толя...⁴⁶ А компьютера я просто не боюсь, на нем три программы сделала, и тоже есть друзья-специалисты, которые его знают лучше меня. И что в результате? - я оказалась уникальным специалистом, а самое уникальное - плохое знание английского скрывается за кивками и... ужимками. Думают: очень умная, всё понимает. После этого шикарного предложения я два дня плакала, что, мол, работать-то придется, а потом прикинула: где бывший советский показушник не пропадет? Я собрала весь свой незримый штат, всех заинтересовала, всем было любопытно и интересно, что же можно извлечь из такого прибора, и вечерами они во главе с Яшей будут приходить на установку и работать... Вот уже читаю литературу по этому невероятному случаю. Все в Америке бывает: с нуля - в миллионеры, с нуля - в физики, может, и Нобелевскую дадут, если буду очень стараться. Если посмотреть со стороны, то разве не смешно? А в то

же время ничего и смешного нет - люди везде есть люди, и это так видно в Америке.

Я некоторые человеческие черты относила за счет социалистической обстановки, а нет, они присущи человеку вообще как таковому, - чем человек безыдейней (я имею в виду сейчас научные идеи), тем он более понятен, а уж сделать вид - всякие там слайды-шмайды, так уж нам всякий американец позавидует - наших знай! Вот так и работаем. Часто своего шефульку⁴⁷ университетского вспоминаю, зав. кафедрой инженерной геологии в ЛГУ, где я работала. "Нету науки на Западе", - так решительно он говорил, когда приезжал из заграницы... И таки он был прав, нету науки, пришлось даже меня брать, чтобы американскую науку двигать. "Эксон" чувствовала, что я из хорошего дома, что у меня достойная школа. Моя близкая подруга⁴⁸, которая со мной работала на этой же кафедре, сейчас в Бостоне, она бросила геологию и занялась писательством, так сказала, узнав о моём новом предложении: "Месть судьбы, Дина" и еще: "Теряю близких друзей"... Мы с ней вместе работали на кафедре - проводили "эксперимент века" (так вполне серьезно называл наш шеф нашу работу): крутились около

электронного микроскопа, который стоял в углу, мокнул и чахнул, и, чтобы совсем не промок, его забрали какие-то люди с другой кафедры, чтоб он у них домокал. Весь мир един, и это удивительно!

Дети наши учатся, как я уже писала, в хорошей школе, аж завидно, всю мою зарплату туда отдаем, но ничего не поделаешь, бесплатное образование и правда ничего не стоит.

Старший, Илюша, кончает на будущий год школу, наверное, будет психологом или что-то гуманитарное. Тут хорошо то, что первые четыре года человек может не выбирать себе окончательную профессию, только потом специализация.

Никак ничего не получается с отсылкой моей книжки Вам, но я все-таки надеюсь, сейчас новую начала писать в перерывах между работами.

Яша много работает и дома, и на работе. Он просто заработался, "новый" вид искусства выдумал - что-то смешанное между печатаньем и живописью. У него в мастерской есть присасывающий стол, крутящийся мольберт, разбрызгиватели красок - пистолеты, само рисуется, само печатается.

Скоро будет выставка Яшиных картин в Иерусалиме. Эти все выставки-шмыставки тут ничегошеньки не значат. Я никак не могу понять: что же тут происходит? Как-то все обрывочно, дискретно, всего много, китайская перенасыщенность, и понять трудно - "кто правит бал?", и чего будет?

Одна из моих глав называется "Из мира нагана в мир чистогана". Тут денежки правят, и в то же время как бы и нет, вернее, не хочется в это упираться. Но власть денежного знака подавляет всё, как Анри Волохонский говорит, что даже он не понимает, "что такое деньги?", на что я ему сказала: если нет ни копейки, то и не понять!

Свобода и несвобода одновременно.

Были летом в Израиле, теперь в Иерусалиме живет моя близкая подруга Наташа, и я, наконец-то, Иерусалим увидела со стороны любви. И что нового сказала я Заратустре? "Гроб Господень - пуст".

Две недели не могла в себя прийти после приезда, но сейчас уже ничего, приспособилась, хотя и страдаю от дефицита друзей, хочется с кем-то чувствовать солидарность в вещах, в словах, в пространстве. Я, по правде, скучаю по неразде-

ленности моих приходящих мыслей. Нет того круга людей, с которыми бы поохотала, всех раскидало по миру, многие остались там, куда нет возврата. И как отыскивать тех, кто вдохновляет? Где находить друзей? Особенно Яше не достаёт очарования задумчивости, ему ещё больше не хватает "философского общения", чем мне. Мне все-таки проще - "ландыши, лютики, ласки любовные..."

Иногда гордыня одолевает, и я прошу Ваших молитв и прощения.

P.S. Яша Вас всегда приветствует.

Дина.

24-4-90

Дорогая Дина!

Наконец-то, получил от Вас хоть несколько слов. Казалось, что Вы канули в неведомое... О всех превратностях и бедах узнал косвенными путями. И понимал, что бессмысленно писать по старому адресу. Безумно быстро бежит время. Но я рад, что Вы не пали духом вопреки всему и не утратили, кажется, своего яркого и светлого. Теперь жду от Вас рассказа, более подробного о детях и о своем житье-бытье.

Что касается меня, то в целом у меня жизнь идет в том же направлении и в том же духе. Правда, новые ветры перемен меня немного коснулись в том смысле, что сейчас

берут в прессу некоторые мои работы и появилась возможность общаться с большими, в несколько сот человек, аудиториями (школы, вузы, институты, Дворцы и пр.) Но изменение это не качественное, а количественное. Борода стала белее, внучка, старшая, переходит в 6-ой. Жена еще работает. Такие контуры...

Словом, жду. Привет мальчикам и мужу (хоть его не знаю). Может быть Вы когда-нибудь соберетесь побывать здесь.

Будьте благополучны и Богом хранимы.

Ваш о. Александр Мень.

Август 1990

Дорогая Дина!

Очень был рад Вашему письму. Пока пишу краткую открытку. Жду от Вас - о Вашей жизни и обо всём. Как хорошо, что Вы вышли из всех испытаний, не потеряв своего духа, такого живого и искрящегося. Да, давно Вы уже погрузились в "инобытие", но всё же. Главное остаётся вечным под любым небом.

Обнимаю.

Шлю Божие благословение.

Ваш о. Александр Мень.

Жду!

Примечания

1. Иоанн Сан-Франциский, князь Шаховской, архиепископ Сан-Франциский - поэт, публицист, общественный деятель. Яков начал переписываться с ним ещё из России, узнав, что владыка интересуется вопросами взаимодействия религии и науки, послал ему свою книгу-эссе "Геология и общая эволюция природы." В Яшином архиве хранится несколько писем владыки.

2. Андрей Амальрик - историк, писатель, правозащитник. Автор книги "Доживёт ли СССР до 1984 года?" Был женат на художнице, красавице-татарке Гюзели. Амальрики приезжали в Блэксбург вместе с Литвиновыми⁶ в декабре 1977 года .

3. Елена Якобсон - профессор русской литературы в Джорджтаунском университете, писательница. Невестка знаменитого лингвиста Романа Якобсона.

4. Константин Кузьминский - поэт, эссеист, редактор и создатель "Антологии русских поэтов" (1980 - 81). В альманахе "Аполлон - 77" (Париж, 1977), изданном М. Шемякиным, появляется в обнажённом виде, иллюстрируя эссе - "Кузьминский есть, Кузьминский был, Кузьминский будет!"

5. Нортон Додж - профессор политических наук Мэрилэндского университета, меценат, собиратель картин русского авангарда "от ГУЛАГа до перестройки". Приезжал в

Блакбург летом 1977 года и приобрёл у Якова три картины для своей коллекции.

6. Павел Литвинов - кандидат математических наук, общественный деятель, правозащитник, участник знаменитого выхода на Лобное место - протеста против вторжения русских войск в Чехословакию. Внук революционера и советского посла Максима Литвинова. Жена Мая - дочь писателя Льва Копелева.

7. Речь идёт о сыне А.И. Солженицына - Игнате. Наши друзья художники Галя и Андрей Трегубовы работали в "ставке" писателя воспитателями его детей и придумывали всяческие способы сохранения родного языка у своих подопечных.

8. Семён Франк - русский экзистенциальный философ. Автор книги "Смысл жизни", под влиянием которой я стала приходить в сознание.

9. Николай Бердяев - русский экзистенциальный философ. Книгами Н. Бердяева я начала увлекаться в Блакбурге, они помогали мне выйти из депрессии.

10. Михаил Меерсон-Аксенов - теософ, священник, редактор религиозно-философского журнала "Путь", где была опубликована статья Якова "Размышляя о чудесах". Кирилл Фотиев – нью-йоркский православный священник.

11. Речь идёт о Яшиной брошюре "Геология и общая теория эволюции природы", опубликованной издательством "Недра" 1972 году.

12. Михаил Кулаков - художник-экспрессионист, абстракционист. После переезда Кулакова в Италию в 1977

году и до самой Яшиной смерти переписывался с Яковом. Вся переписка сохранилась в Яшином архиве.

13. Владимир Марамзин - писатель, переводчик, старинный друг Якова. В Ленинграде собирал и перепечатывал стихи Иосифа Бродского, был арестован. См. "Литературные дела КГБ". С 1975 года живёт в Париже.

14. Наталья Горбаневская - поэтесса, журналистка, правозащитник. Сотрудница журнала "Континент", газеты "Русская мысль". Как и Павел Литвинов, участница протеста-демонстрации против ввода советских войск в Чехословакию.

15. Владимир Максимов - писатель, редактор журнала "Континент", общественный деятель.

16. Лев Копелев - общественный деятель, писатель, сидел в лагере вместе с Солженицын, и является прототипом одного из героев романа А.И. "В круге первом".

17. Александр Глезер - общественный деятель, издатель, собиратель картин, директор русского "Музея в изгнании", устроитель выставок, редактор журнала "Третья волна".

18. Речь идёт о красавице Лене Поляковой, бывшей гримёрше Б.Д.Т., которая вместе с сыном проводила у нас в Вирджинии летние каникулы.

19. Анри Волохонский - учёный, кандидат биологических наук, поэт, писатель, философ. Один из любимейших Яшиных друзей. Совместно с А. Хвостенко автор изысканных песен, среди которых: "Над небом голубым...", "Осызала ризы твои..."

20. Михаил Шемякин - художник, скульптор, теоретик русского авангарда. После Яшиной смерти посвятил

памяти Яши картину с вплетёнными стихами И. Бродского и Д. Бобышева.

21. Иосиф Бродский - поэт, Лауреат Нобелевской премии 1987 года. Оценил мою книгу "Америка, Россия и я" шутивным двустишьем: "Ай да, Дина, Ваша хевра удостоилась шедевра!"

22. Лев Поляков - фотограф, участник подводных съемок в экспедициях Жака Кусто. Автор альбома фотографий о России.

23. Речь идёт о статье Якова "Письмо из России в Россию", напечатанной в седьмом номере журнала "Континент" (1977), в которой Яков даёт советы, как вести себя на допросах в КГБ. Многие люди говорили потом, что статья им помогла. Яков был вызван свидетелем на суд "по литературному делу" осенью 1973 года.

24. Михаил Шварцман - московский художник.

25. Речь идёт о поздравительной речи Александра И. Солженицына, обращённой к студентам Гарвардского университета, в связи с окончанием ими университета в 1976.

26. Кузен Якова - Гершон Винькау, американский учёный-химик, профессор Сиракьюзского университета. Его письма в Россию были для нас большой поддержкой в отказе. (Как оказалось, все его письма переводились в КГБ на прекрасный русский язык и хранились "в деле" Якова, которое мы получили от организации "Мемориал" в 1997 году.)

27. Книжечка "Илюшины разговоры" вышла в 1982 году в Америке в издательстве "Эрмитаж" с иллюстрациями Игоря Тюльпанова, а в 1997 году в России в издательстве

"Звезда" с предисловием Сергея Довлатова: "Устами младенца".

28. Андрей Тарковский - кинорежиссёр, автор фильмов "Рублёв", "Зеркало", "Ностальгия".

29. Джон Боулт - профессор искусствоведения в Техасском университете, затем в Лос-Анджелеском, директор Русского института "Голубая лагуна". Переписывался с Яковом в течение нескольких лет, обсуждая назначение, задачи и цели искусства.

30. Александр Гинзбург - общественный деятель, правозащитник, организатор сборника "Хроники текущих событий".

31. Эдуард Нахамкин - кандидат математических наук, бизнесмен, владелец галереи современного русского искусства в Нью-Йорке.

32. Георгий Миркин - доктор геологических наук. Автор многочисленных патентов в России и в Америке, в том числе и установки - "мудилоаппарат", в которой я определяла коэффициенты затухания акустических волн в грязи (грязь по-английски "муд").

33. Ефим Фрумин - художник-реалист. Живёт в Хьюстоне.

34. Михаил Оратовский - архитектор, художник и чеканщик. Живёт в Бостоне.

35. Юз Алешковский - писатель. Автор мини-романа "Николай Николаевич", песен "Товарищ Сталин, Вы - большой учёный...", "Окурочек" и др.

36. Илья Левин - журналист, филолог. После защиты докторской диссертации по русской литературе

работал на радиостанции "Голос Америки" и на телестудии последних известий в Вашингтоне. Американский культурный атташе в Москве.

37. Эдуард Лимонов - писатель, общественный деятель, автор нашумевшего романа "Это Я - Эдичка!"

38. Ефим Г. Эткинд - профессор русской словесности в Сорбонне. Литературный критик. Защищал Иосифа Бродского на суде в Ленинграде. В отзыве на мою вторую книгу написал: "Книга замечательная во всех отношениях".

39. Андрей Д. Синявский - писатель, издатель, сидел в тюрьме за издание своих произведений на западе. (Владимир Максимов незадолго до смерти А.Д. извинился перед ним, сказав, что не имел никаких оснований обвинять Синявского в сотрудничестве с КГБ).

40. Книга "Америка, Россия и я" вышла в издательстве "Эрмитаж" в 1993 году в Америке, а в 1996 в России в издательстве "Академический проект". Книга получила много хороших отзывов, в частности от Иосифа Бродского, Ефима Эткинда, Владимира Максимова. Профессор Виктор Дмитриев написал рецензию на книгу "Диана в стране чудес", опубликованную в "Новом журнале" №193, 1995 г.

41. Алексей Лосев (Лифшиц) - поэт, писатель филолог, профессор Дартмусского университета.

42. Речь идёт о Наталье Басиной (Слепян), журналистке и переводчице.

43. Речь идёт о Михаиле фон Герцене, профессоре истории Вирджинского университета, правнучке А. Герцена.

Он оставил профессорскую должность и занялся бизнесом с Россией.

44. Томас Венцлова - литовский поэт, филолог, публицист, правозащитник. Профессор Йельского университета.

45. Леонид Перловский - физик-теоретик. После работы в "Эксоне" и переезда в Бостон стал главным учёным в одной из исследовательских американских компаний, занимающейся вопросами искусственного интеллекта. Мой второй муж.

46. Анатолий Каплан - доктор геологических наук. Сокурсник Якова по Горному институту.

47. Речь идёт о профессоре ЛГУ Анатолии К. Ларионове, заведующем кафедрой инженерной геологии, где я получила место научного сотрудника после защиты диссертации.

48. Речь идёт о Людмиле Штерн, кандидате геолого-минералогических наук, научном сотруднике кафедры инженерной геологии. После переезда в Америку Л.Ш. стала журналисткой, писательницей и в повести "Двенадцать коллегий" описала нашу работу на кафедре.

Не все письма были датированы. Приблизительные даты указаны в скобках.

“Нужно почувствовать, что наша внутренняя жизнь - главное, что она есть, что это целый мир и богатство, которое мы еще не раскрыли...”

“Что такое вся земля, все краски и шум мира, если нет любви. Недаром это слово начертано на кресте. Пусть ее еще мало в жизни, но тем дороже она, как подснежник ранней весной среди сугробов.”

“Дорогая Дина! Ваше письмо - чудо. Редко кто писал так живо, выразительно и объективно...”

Из писем Дианы: “...расскажу Вам как мы путешествовали, как искали Америку и себя в ней... Что же мы приобрели? - свободу и себя. А потеряли? Потеряли родину, язык, друзей, родных, Вас”, “Все внешне прекрасно... а я в жутком состоянии перед лицом... смысла жизни”, “Свобода-то, оказывается, не всем под силу. Я вот стою голой перед её лицом...”

«Мы сейчас – как эмигранты в собственной стране, и эта книга – о пограничной ситуации, о том, как человек переживает переход из одной социальной системы в другую.» - Константин Азадовский на презентации первого издания книги в Петербургском доме журналистов.

Книга была удостоена престижной петербургской литературной премии 2000 года “Петрополь”.